

К. Бестужевъ
Каліостро

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЪЛО“

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

К. Бестужевъ

Каліостро

роман

ОБЩЕСТВО «КНИГА»
КАЗАХСКОЙ СР
1991

Редакционная коллегия

Н. А. Абишев, А. В. Бакиев,
Б. Х. Баянов, А. И. Овсянников

Адаптированное воспроизведение изданий из серии «Историческая библиотека», выпущенной книгоиздательством «Дело» для массового читателя.

Бестужев К.

Калиостро. Роман. Общество «Книга» Казахской ССР и МП «Мирас», 1991.— 80 с.

ISBN 5-7667-0078-4

Действовать вопреки здравому смыслу и смело проповедовать величайшие нелепости — таков девиз всех походов героя книги, благодетеля рода человеческого, великого Калиостро — самого ловкого авантюриста и непревзойденного шарлатана XVIII века — Джузеппе Бальзамо, наглого обманщика и негодяя, чревоушателя, обладающего даром внушения...

ISBN 5-7667-0078-4

© Тетенко Л. И., оформление
Общество «Книга» Казахской ССР, 1991

Мрачная неприступная Бастилия мирно спала под покровом темной осенней ночи. Из многочисленных камер выходивших дверями в широкие коридоры с низкими каменными сводами, не доносилось ни движения, ни звука, и тюремный сторож, совершавший перед сменой в последний раз свой обычный обход, видел, заглядывая в камеры, только неподвижные фигуры узников, погруженных в нерадостные сны. Он уже кончал свой обход, как вдруг его привычное ухо уловило какой-то шум доносившийся со видимому из последней камеры в конце коридора. Сторож на цыпочках подошел к двери и заглянул в глазок. По тускло освещенной камере шагал взад и вперед коренастый, полный мужчина небольшого роста. На широких плечах сидела круглая голова с черными, слегка вьющимися и уже начинавшими седеть, волосами. На красноватом полном лице выдавались красные мясистые губы. Из-под низкого лба блестели черные, большие глаза, которые то беспокойно перебегали с предмета на предмет, то вдруг внезапно останавливались и начинали всматриваться во что-нибудь, отчего все лицо вдруг принимало выражение особой пытливости и пронзительности. Одежда узника состояла из простого кафтана стального цвета, богато украшенного золотой вышивкой, красного, тоже вышитого жилета и

такого же цвета панталон, шелковых, белых чулок и туфель с пряжками. В данную минуту вся его фигура выражала крайне нервное возбуждение. Он то принимался бегать взад и вперед по темной камере, то вдруг останавливался, устремлял глаза к потолку и раздражался целым потоком слов на каком-то совершенно незнакомом для сторожа языке, сопровождая свою речь выразительными жестами своих маленьких белых рук. Сторожу казалось, что он кого-то призывает, кому-то угрожает: это любопытное зрелище так увлекло его, что он, позабыв все окружающее, приткнулся к глазку и не сводил глаз со странного узника.

Вдруг на его плечо легла чья-то рука. Сторож вздрогнул и оглянулся. За ним стоял пришедший его сменить товарищ.

— На кого ты так загляделся? — рассмеялся он.

— Да вот граф что-то сегодня особенно беспокоен, — проговорил шепотом первый сторож, указывая на дверь камеры.

— Какой граф? — удивился вновь пришедший.

— Да, ведь ты первый раз пришел сюда дежурить, — вспомнил первый, — и никого еще здесь не знаешь. Это, брат, сам граф Калиостро, понял? — многозначительно произнес он.

Лицо вновь прибывшего приняло испуганное выражение.

— Калиостро?! Да неужели тот самый, про которого говорят, что с злым духом водится и золото из простых камней умеет делать? — быстро зашептал он.

— Он самый. Советую тебе смотреть за ним в оба, а то, того и гляди, возьмет да и убежит при помощи своих духов, — проговорил таинственным то-

ном первый сторож, передавая тяжелую связку ключей своему товарищу и направляясь затем к выходу.

Через минуту в коридоре опять воцарилась тишина. Новый сторож уселся на табурете против камеры Калиостро и вскоре задремал, забыв о совете товарища.

Между тем шаги в камере прекратились. Узник подошел к столу и опустился на соломенный стул, стоявший перед столом. Его пальцы машинально перебирали листы писчей бумаги, лежавшей на столе, все лицо выражало глубокую задумчивость. Но это продолжалось недолго. Он вдруг встряхнул головой и энергичным жестом взялся за перо, лежавшее тут же.

— Нет, не ликуй заранее, я не сдамся без борьбы,— проговорил он громко, как бы обращаясь к невидимому врагу.— Пусть услышит весь мир, кого осмелились преследовать французы. Пусть потомство узнает, как невинно страдал великий Калиостро, избранный светлыми духами, чтобы возвещать их волю людям!

С этими словами узник придвинул к себе бумагу, обмакнул перо в чернила, и оно быстро забегало по белому листу, покрывая его крупными, малоразборчивыми буквами.

II

«Место моего рождения и родители мои совершенно мне неизвестны. Все розыски по этому предмету не привели меня ни к чему положительному, хотя и вселили во мне уверенность в знатности моего происхождения. Первые годы моей юности я провел в городе Медине, где я воспитывался под именем

Ахарата. Под этим же именем я совершил все свои путешествия по Азии и Африке. В Медине я жил в доме муфтия (главное духовное лицо). Я очень хорошо помню лица, окружавшие мое детство: моего наставника и трех слуг. Наставнику моему было около 55 или 60 лет; его звали Алтотас; из слуг один был белый и занимал должность моего камердинера, остальные два были черными и поочередно дежурили при мне днем и ночью. Наставник мой рассказывал мне, что я остался сиротой, едва достигнув трехлетнего возраста, что родители мои были высокого рода и христиане; но относительно их имен и места моего рождения он хранил постоянно глубокое молчание. Из нескольких слов, вырвавшихся у него невольно, я могу полагать, что родина моя Мальта. Алтотас тщательно старался развивать показавшуюся во мне любовь к знаниям и поощрял мое расположение к учению. Собственные его знания были удивительны; кажется, он знал все, начиная от самых отвлеченных наук до приятных безделиц, придающих прелесть общежитию. Больше всего я сделал успехов в медицинской физике и ботанике... Алтотас отлично знал восточные языки и учил меня главнейшим из них. Он часто говорил мне об египетских пирамидах и обширных подземельях, вырытых руками древних египтян с целью служить хранилищем древностей человеческого знания.

Когда я достиг двенадцатилетнего возраста, Алтотас объявил мне, что мы скоро покинем Медину и начнем наши путешествия...

Прибыв в Мекку, мы остановились во дворце шейха. Тут меня одели в великолепное платье, и наставник мой представил меня шейху, который осыпал меня нежнейшими ласками. И на меня вид

этого государя произвел самое глубокое впечатление, я почувствовал необъяснимое волнение, и слезы полились из глаз моих, но то были сладкие слезы. Да, кажется, и у шейха они готовы были навернуться, и он с большим трудом удерживал их.

Я пробыл в Мекке три года, и весьма редко выдавался день, в который я не виделся бы с шейхом, привязанность которого ко мне все возрастала, увеличивая в той же силе мою к нему благодарность. Нередко замечал я, что он долгое время глядел на меня, поднимал глаза к небу с явным признаком сострадания и жалости. Часто пробовал я расспрашивать моего слугу-негра, спавшего в моей комнате, но не мог добиться от него каких-нибудь сведений; только однажды ночью, тронутый моими мольбами, он решился сказать, что мне угрожают величайшие бедствия, если я решусь оставить Мекку, и что всего больше я *должен бояться города Трапезунда...*

Раз как-то случилось, что шейх один, без всякой свиты вошел в мою комнату. Я чрезвычайно удивился такому снисхождению, но он прижал меня к своей груди и с большею нежностью, чем обыкновенно, советовал не покидать поклонения всевышнему, который сделает меня счастливым и откроет мне мою судьбу, и, наконец, залившись горькими слезами, воскликнул: «Прощай, прощай, несчастный сын природы!»

Я начал свои путешествия посещением Египта. Там я познакомился ближе со знаменитыми пирамидами, которые для поверхностного наблюдателя представляют только огромные массы мрамора и гранита. Я лично узнал жрецов некоторых храмов, которые ввели меня туда, куда обыкновенные люди никогда не имеют доступа. Три года путешествовал

я по замечательнейшим государствам Азии и Африки.

В 1766 году я прибыл на остров Мальту вместе с моим наставником и тремя слугами, никогда не покидавшими меня с самого моего детства.

Вопреки обычаю, заставлявшему суда, приходившие с востока, выдерживать карантин, я был допущен на берег через два дня по прибытии и, вместе с Алтотасом, получил помещение во дворце великого магистра Пинто. Здесь я впервые надел европейский костюм и принял имя графа Калиостро; наставник же мой, Алтотас, явился в духовном платье с мальтийским орденом на груди. Я помню, мне случилось обедать у Бальи Рогана, нынешнего великого магистра. Мог ли я предвидеть, что через двадцать лет я буду посажен в Бастилию из-за принца той же фамилии.

Я уверен, что Пинто знал тайну моего рождения. Несколько раз он говорил со мной о меккском шейхе о Трапезунде»...

III

Современники Калиостро, читавшие впоследствии это замечательное, полное таких необыкновенных приключений, жизнеописание, конечно, ни на минуту не усомнились, что оно действительно достоверно. Разве мог человек, постигший все тайны бытия, запросто беседовавший с духами и пришельцами из потустороннего мира, человек, владевший тайнами черной и белой магии, разве мог он быть простым смертным!

Слава о Калиостро гремела по всей Европе. Не было ни одной столицы мало-мальски значительного

государства, которую он не удостоил бы своим пребыванием. Лондон, Рим, Мадрид, Берлин и Петербург видели его в своих стенах, и всюду находились у него горячие поклонники и ученики, а его чудесные исцеления, его бескорыстие (он лечил даром) сделали его имя еще более популярным. Правда, появившись он в другое время, на него, пожалуй, не обратили бы такого внимания и сочли бы только за ловкого шарлатана, но эта эпоха, в которой он действовал, как нельзя более способствовала появлению таких авантюристов. То были 70 и 80 годы восемнадцатого века. Увлечение скептической философией Вольтера и энциклопедистов сменилось страстным поклонением Руссо с его призывами к прощению, к уходу на лоно природы, к слиянию с нею. А отсюда уже был один шаг к страстному стремлению постичь ее тайны, открытые лишь немногим избранным.

Впервые раздавшиеся великие слова «свобода» «равенство» и «братство» заставили людей соединяться в тайные общества, ставившие своей целью проповедование и применение на деле этих великих идей. Вся Европа покрывается сетью таких тайных обществ, члены которых носят название то розенкрейцеров, то иллюминатов, то масонов. Но положенные в основу здравые идеи новой философии мало-помалу окутываются дымкой мистицизма.

Деятельность обществ начинает принимать все более и более таинственный характер, члены их не удовлетворяются уже прежней узкой деятельностью в сфере самоусовершенствования и благотворительности, а пытаются проникнуть в тайны мироздания. Но они еще не опытные, не обладают ключом к раскрытию заветной тайны, и вот тут-то являются им на помощь люди вроде Калиостро, для которого, по

его словам, нет ничего закрытого в природе. Всюду, где бы он ни появлялся, везде он находил подготовленную почву, людей, жадно внимавших, а главное, искренно веровавших в его слова. Да и как было не поверить, когда люди вдруг увидели наяву исполнение всех своих заветнейших мечтаний. Мечтал ли кто об открытии философского камня, оказывалось, Калиостро давным-давно уже нашел его и охотно делился своим открытием с каждым желающим. Желал ли кто сношений с невидимым для нас царством высших духов, Калиостро и тут являлся посредником между небом и землей. Уж чего, казалось бы, несбыточнее мечты о вечной юности, но и ею обладал великий волшебник. Несколько капель его чудесного «жизненного эликсира» — и пациенту нечего было бояться смерти. Сам Калиостро являл собой живой пример этому. Однажды на вопрос одной дамы, пожелавшей узнать, когда он родился, он самым серьезным образом отвечал: «Ровно через два столетия после потопа». А его жена, прелестная, юная Лоренца, уверяла с очаровательной улыбкой своих многочисленных поклонников, что ей уже семьдесят лет и что у ней взрослый сын, капитан голландской службы. Даже слуги Калиостро пользовались завидным долголетием. Камердинер его, например, родился в тот год, когда был убит Юлий Цезарь.

Раз находились легковверные люди, которые не сомневались в достоверности этих рассказов, то тем более имела успех его, как казалось, совсем правдоподобная автобиография, в которой он смутно намекал на свое высокое происхождение. Читатели ни на минуту не сомневались, что отцом его был, действительно, магистр мальтийского ордена, а матерью

какая-нибудь восточная принцесса. Как были бы разочарованы они, узнав о настоящем происхождении своего героя.

IV

Настоящее имя графа Калиостро было Иосиф Бальзамо. В одной из узких, темноватых улочек Палермо давно уже скромно ютилась небольшая лавка торговца сукнами Пьетро Бальзамо. Он и жена его Феличия были тихие, скромные люди, пользовавшиеся уважением всего околотка. И вот, в этой-то патриархальной, буржуазной семье родился 8 июня 1743 года сын, которому суждено было стать одним из самых замечательнейших лиц восемнадцатого века.

Иосиф, или, как его называли родные, Джузеппе, рос бойким, здоровым мальчиком, чрезвычайно изобретательным на всякого рода проделки и шалости. Не проходило дня, чтобы на него не жаловался кто-нибудь из соседей. Первоначальное обучение он получил в семинарии св. Роха, тут же в Палермо, но, не выдержав школьного режима, показавшегося ему слишком суровым, бежал оттуда. Этот поступок только испортил дело. Его родители решили принять более строгие меры к обузданию своенравного сына, юный беглец был разыскан, пойман и торжественно водворен в монастырь св. Бенедикта в Кармаджироне, около Неаполя, где и пробыл несколько лет.

Главным его занятием здесь было помогать монастырскому аптекарю в составлении различных лекарств. Тут-то он и приобрел первые сведения по медицине, которые сумел столь искусно применять впоследствии. Но скучная, однообразная монастыр-

ская жизнь была не по нем. Опять начинаются различные проказы, вызывающие бесконечные жалобы со стороны святых отцов. Долго терпели они и смотрели на него сквозь пальцы; наконец одна дерзкая шалость вывела их окончательно из себя.

На обязанности Джузеппе лежало также чтение жития святых во время общей трапезы братии. В один прекрасный день монахи, как обычно, сидели за обедом, в сосредоточенном молчании. Вдруг, среди этой торжественной тишины совершенно ясно и отчетливо упало произнесенное звонким голосом имя известной куртизанки Неаполя, прославившейся своим скандальным поведением. Монахи невольно все оглянулись по направлению, откуда неся голос. Там на небольшом возвышении стоял Джузеппе и самым невозмутимым видом читал полагавшееся на этот день житие какого-то святого. Встревоженная братия начала внимательно прислушиваться к его чтению. Да! Не оставалось никакого сомнения: в трапезной совершалось великое кощунство. Джузеппе не читал, а вдохновенно импровизировал, причем место святых в его рассказе заняли известные плуты и негодяи, совершавшие всевозможные добрые дела, а сами святые были выведены в самых невозможных, неприличных положениях. Рассказ лился с такой непринужденной легкостью, у юного бездельника был такой невинный вид, что братия просто окаменела и не верила своим ушам. Первым спохватился приор.

— Довольно, прекрати это безобразие! — громким голосом закричал он Джузеппе. — А вы, — продолжал он, обращаясь к братии, — позаботьтесь о том, чтобы запереть этого безбожника. Завтра он будет примерно наказан.

Но когда на завтра пришли за Джузеппе, келья,

куда он был посажен, оказалась пуста: юноша бежал. Через некоторое время мы видим его опять у себя на родине в Палермо. Но добрые обитатели городка не могли надивиться происшедшей в нем перемене. Это был уже не прежний сорви-голова, готовый на всякие проказы, а задумчивый красивый юноша, с изящными, даже величественными манерами. По городу начинают ходить слухи об его необычайных познаниях, о таинственных силах, оберегающих его. Шепотом передают друг другу, что он водится с духами, умеет делать золото, и что он вовсе не сын Пьетро и Феличии Бальзамо, а только приемыш и происхождения необыкновенно знатного.

В Палермо не было недостатка в легковверных людях, принимавших все слухи, распускаемые Джу зеппе и его друзьями, за чистую монету. В числе этих людей находился один богатый ювелир, по имени Марано, занимавшийся также тайным ростовщичеством. Его отличительными чертами были скупость и необычайная алчность, заставлявшая его постоянно стремиться к увеличению своих богатств. Побуждаемый этой страстью, он уже не раз обращался к разного рода шарлатанам, эксплуатировавшим, конечно, его в свою пользу; но все эти неудачи не могли погасить в нем надежды на обогащение. Он глубоко верил, что встретит такого человека, который поможет ему.

И вот, в один прекрасный день он слышит о необыкновенном юноше, сыне хорошо известного ему Пьетро Бальзамо. Обрадованный Марано постарался сейчас же заполучить его к себе в дом и встретил молодого алхимика, как уже стали называть Джу зеппе, с необыкновенным почетом. Тот принял это как нечто должное, напустил на себя необыкновенно

важный вид и ловко дал понять восхищенному старику, что он действительно какое-то высшее существо, находящееся под покровительством могущественных духов.

После долгих заискиваний и разговоров, Марано приступил наконец к делу и с робостью спросил Бальзамо, согласится ли он помочь ему в приобретении богатства и не научит ли его делать золото.

— Делать золото? — переспросил с значительным видом Бальзамо. — Нет, это в данное время невозможно. А вот указать клад, это я могу при помощи добрых духов, но не знаю, понравятся ли вам условия, которые необходимо при этом соблюдать.

— Я согласен на все! — вскричал Марано.

— Хорошо, — строго произнес Бальзамо. — Вы должны обещать безусловно довериться мне и исполнять все мои приказания.

— Обещаю, обещаю! — прошептал взволнованный старик.

— Так будьте тогда завтра ровно в 6 часов утра у часовни св. Розалии, что за городом. Я постараюсь склонить к вам добрых духов.

С этими словами Бальзамо ушел.

На другой день Марано был уже на месте гораздо раньше назначенного часа и в нетерпении шагал взад и вперед по пыльной дороге. Вдали показалась фигура Бальзамо.

— Наконец-то, — вырвалось у Марано, и он с живостью бросился ему навстречу. — Ну, что? Как наше дело?

— Прежде всего, прошу вас, ни слова, — строгим голосом остановил его Бальзамо. — Если вы хотите, чтобы из нашего предприятия что-нибудь вышло,

то обещайте хранить самое глубокое молчание в течение всего времени. А теперь следуйте за мной!

С этими словами Бальзамо свернул на тропинку влево от большой дороги. Более часу шли они по ней: местность принимала все более пустынный характер. Наконец дошли до подножия высокой горы, под одним из выступов которой виднелось темное отверстие пещеры. Бальзамо остановился и обернулся к своему спутнику. Лицо его приняло сосредоточенное, торжественное выражение.

— В этом гроте,— раздался его голос,— находится клад, оберегаемый злыми духами. Он может достаться только тому лицу, который его желает, но не мне. Я же могу сковать злых духов, но я не знаю, согласны ли вы исполнить все мои приказания?

— Да, да! — прошептал, задыхаясь от волнения, скряга.

— Тогда станьте на колени и внимайте!

Марано беспрекословно повиновался, и через минуту в ясном воздухе явственно зазвучал чей-то далекий голос.

Марано в страхе покосился на Бальзамо.

Тот стоял совершенно спокойно, и лицо его не выражало ничего, кроме глубокого благоговения. А невидимый голос между тем продолжал: «Шестьдесят унций жемчуга и столько же рубинов и алмазов в золотом ящике, имеющем веса сто двадцать унций, хранятся в сем кладе. Но адские духи выдадут его только тому, кого назначит друг небесных сил под условием, чтобы он был не христианин и имел бы более пятидесяти лет...» Тут Марано не мог уже сдержать радостной улыбки: условия как раз подходили к нему. «А затем,— продолжал голос,— искатель клада должен до вступления своего в грот

положить перед входом шестьдесят унций золота, в возмездие злым духам, стерегущим сокровища» Лицо Марано выразило полное отчаяние.

— Откуда же я возьму столько денег,— завопил он, обращаясь к Бальзамо.— Я ведь жалкий, нищий старик. О, я несчастный!

Бальзамо пожал плечами.

Я ничего не знаю. Вы слышали приказание духа. Поступайте по вашему усмотрению.— С этими словами он повернулся и медленно направился к городу. В отчаянии Марано следил за удалявшейся фигурой, и самые разнородные мысли толпились в его испуганном уме. «А что, как и это тоже ловкий обманщик, желающий пожить на мой счет? Да, но тогда зачем же он ушел и не старается убедить меня? А откуда же взялся голос? Ведь не Бальзамо же, в самом деле, говорил. У него ни один мускул на лице не дрогнул... А клад-то каков! Упустишь, весь век будешь каяться!»

Алчность наконец одержала верх над подозрительностью.

— Я согласен, согласен принести золото,— закричал Марано, пускаясь вслед Бальзамо.

Когда на другое утро Бальзамо явился к пещере, Марано был уже там, истомленный, осунувшийся, судорожно прижимавший к груди довольно увесистый мешок с деньгами.

Опять повторилась вчерашняя сцена. Невидимый голос произнес условия, затем Бальзамо принялся бормотать какие-то заклинания, сопровождая их странными жестами. Покончив с этим, он объявил, что теперь все готово, и, отошедши от пещеры, уселся на камень и погрузился в глубокое размышление, позабыв, по-видимому, все окружающее.

Марано нерешительно подошел ко входу в пещеру и положил на землю свой драгоценный мешок. Но только он вступил в пещеру, как его взял страх за свои деньги. Он выскочил из пещеры и оглянулся. Мешок по-прежнему лежал у входа, а вдалеке виднелась фигура Бальзамо, сидящего все в той же позе на камне. Несколько раз возвращался скряга к своему мешку, пока наконец убедился, что страхи его насчет Бальзамо неосновательны.

Призвав на помощь все свое мужество, пустился он в опасный путь. В узком коридоре пещеры царила совершенная тьма, так что приходилось пробираться ощупью. Прошло около получаса, а Марано все еще брел, тщетно вглядываясь, не блеснет ли где заветный огонек, указывающий место клада.

Коридор вдруг круто повернул налево, мрак сгустился еще более, и вдруг Марано почувствовал, что его охватывают какие-то руки. Он рванулся, но не гут-то было. Спереди, сзади, с боков налетело на него что-то ужасное и с диким хохотом повлекло его дальше. Марано скорее почувствовал, чем увидел, какие-то четыре черные, гигантские фигуры, но, помня приказание Бальзамо, и не пробовал сопротивляться, а только мысленно твердил имя доброго духа. «Адраил! Адраил!» Но на демонов заклинание это не произвело никакого действия. С тем же диким хохотом принялись они плясать вокруг бедного Марано, принуждая и его кружиться вместе с ними, а затем набросились на него, повалили на землю и принялись бить. Несчастный старик потерял сознание.

Когда он вновь открыл глаза и пришел в себя, кругом царила тишина. «Не сон ли все это?», — промелькнуло у него в голове, но нывшее от боли тело

убедило его в противном. Кое-как удалось ему встать и нащупать дорогу. О кладе нечего было и думать, лишь бы только выбраться из этого проклятого места. Но это оказалось не так-то легко, и Марано проблуждал часа три по пещере, пока не добрался до выхода. Каково же было его отчаяние, когда он увидел, что его заветный мешок исчез. Тут только понял он, что опять сделался жертвой ловкого плута!

А Бальзамо в это время делил добычу со своими товарищами-«демонами» и от души смеялся, слушая их рассказы о сцене в пещере.

V

Оставаться в Палермо после такой дерзкой проделки было немыслимо. Это хорошо понимал Бальзамо и решил поэтому благоразумно исчезнуть оттуда, прежде чем Марано успеет поставить на ноги палермскую полицию.

Итак, он бежал из Палермо и направился первым делом в Мессину, где впервые является под именем Калиостро, заимствованным у замужней тетки. Жизнь оживленного портового города захватила нашего героя. Деньги водились теперь у него в изобилии, развлечений на каждом шагу хоть отбавляй, и он закружился в вихре удовольствий, соря так легко нажитыми деньгами направо и налево. Но в одно прекрасное утро, проснувшись после ночного кутежа и пересчитав свое богатство, он увидел, что около половины запаса уже исчезло. Надо было взяться за ум и подумать о будущем. К тому же Мессина была не так далеко от Палермо и сюда легко могли долететь неблагоприятные для него

слухи. Все это вместе взятое указывало на то, что лучше было бы сократить пребывание в Мессине.

«Пойду-ка я в порт, посмотрю, не отходит ли какой-нибудь корабль в Неаполь или на Мальту», — подумал Калиостро и, быстро одевшись, вышел из дому и зашагал по направлению гавани. Там, по обыкновению, было шумно и многолюдно. Вся набережная была усеяна разноязычной толпой, тут были и турки, и арабы, и испанцы, и евреи, и все это кричало, шумело, торговало и отчаянно жестикулировало. Калиостро с трудом пробирался среди этой южной толпы. Наконец ему удалось выбраться к парапету набережной.

Он только что собирался присесть отдохнуть на один из бесчисленных тюков с товарами, загромождавших всю набережную, как вдруг его взгляд упал на странную фигуру, стоявшую у перил. То был высокий, худой старик с белоснежной бородой, ни спадавшей почти до пояса, и такими же волосами. Одет он был в какую-то странную, похожую на восточную, одежду. Голова была обвита чалмой, а из-под нависших седых бровей смотрели прямо на Калиостро большие, темные, пронизательные глаза. Как бы повинувшись какому-то призыву, Калиостро встал и сделал шаг по направлению к незнакомцу. Тот величественным движением протянул ему руку.

— Привет тебе! — услышал Калиостро звучный голос. — Наконец-то мы встретились. Я давно уже жду тебя.

— Но я вас не знаю, — пролепетал смущенный Калиостро, — как ваше имя?

— Алтотас! — был ответ старика, — хочешь, я расскажу всю твою жизнь?

И к великому удивлению Калиостро, старик начал

удивительно верно излагать всю его жизнь, не забывая самые мельчайшие подробности.

— Вот видишь, как я тебя знаю,— закончил Алтотас.— Ты удивишься еще больше, если узнаешь, что я мечтаю взять тебя к себе в помощники. Таких, как ты, мало, и мы вдвоем сумеем завоевать весь мир. Так по рукам! Я сегодня уезжаю в Египет и буду очень рад, если ты согласишься ехать со мной. Я научу тебя всем наукам, посвящу во многие тайны, и ты будешь счастлив и богат.

Калиостро задумался. Предложение было заманчиво, но привычная осторожность брала верх. Что как этот старик обманет его так же, как он, Калиостро, обманывал легковых людей? Но Алтотас как будто прочел его мысли.

— Ты боишься, что я тебя обманываю? — спокойно произнес он.— Что же, я понимаю тебя. Но подожди, я сейчас дам тебе доказательство моей силы.

— Слушай! Советую тебе немедленно бежать домой в твою гостиницу. Я вижу отсюда, как в твоей комнате, на полу перед кроватью, сидит, наклонившись над открытым сундуком, какой-то человек. Это, очевидно, вор; он добирается до тридцати семи унций золота, еще уцелевших у тебя. Торопись, а то он найдет их спрятанными под тюфяком в левом углу кровати.

Известие это как громом поразило Калиостро. Не успел Алтотас кончить, как его собеседник уже был далеко.

И действительно, все случилось так, как говорил Алтотас. Когда Калиостро вбежал в свою комнату, первое, что бросилось ему в глаза, был открытый сундук, смятая постель, а в окне снаружи виднелась

еще голова вора, удиравшего со своей добычей. Его, конечно, тут же поймали и торжественно вручили полиции. В тот же вечер Калиостро отправился благодарить своего благодетеля и нашел его опять на том же месте на набережной. Алтотас благосклонно выслушал его, а затем повел к себе. Калиостро с изумлением смотрел на невиданную обстановку. Вся большая комната была уставлена колбами, сосудами, странными инструментами. Стены были увешаны какими-то вычислениями, рисунками гороскопов. На столе Калиостро увидел раскрытую толстую книгу, в старинном кожаном переплете, с пожелтевших страниц глядели таинственные, каббалистические знаки и буквы неизвестного языка. Каким неопытным и юным казался себе Калиостро, когда он внимал мудрым речам своего нового учителя. Какими жалкими казались ему его немногие сведения по алхимии и магии. Вот у кого надо было учиться, чтобы достигнуть известности и совершенства! И в тот же вечер все решилось. Завтра утром Алтотас и Калиостро отправлялись в далекие, таинственные страны Египта.

Но, прежде чем решиться на этот шаг, Калиостро захотел узнать, кто же на самом деле его таинственный друг, и, замирая от робости, предложил ему этот вопрос.

— Придет время, что я открою тебе всю мою жизнь,— важно и строго произнес Алтотас.— Но теперь ты еще не довольно зрел для подобного доверия. Я стар, очень стар, гораздо старше, чем кажусь и чем ты думаешь; но мне известны тайны, с помощью которых сохраняется на весьма долгое время не только жизнь, но и здоровье тела. В течение моей долгой жизни я не переставал заниматься

науками. Теперь я знаю двенадцать различных языков и искусство составлять золото и драгоценные камни. Я знаю почти все то, что доньше открыли люди; ничто меня не удивляет, ничто не печалит, кроме того зла, которое я не в силах отворотить. Ты видишь меня постоянно довольным, хладнокровным, спокойным, и с этими качествами духа я надеюсь окончить ряд годов моего долгого существования на земле. Имя Алтотаса действительно принадлежит мне, хотя я сам выбрал его из тысячи других. Вот все, что я могу сказать тебе в настоящее время. Удовольствуйся этим и не дерзай выпытывать, пока я сам найду нужным открыть тебе что-либо о себе.

Но Калиостро так и не дождался этого времени и никогда не узнал, кто был этот таинственный человек.

Об Алтотасе не дошло до нас почти никаких сведений. Известно только, что человек этот действительно существовал, но кто он был родом, не известно. Некоторые предполагали, что он был армянин, по другим сведениям настоящее имя его было Кальмер, но узнать что-либо достоверное о нем являлось невозможным.

Он облакал себя и свою жизнь необычайной таинственностью, внезапно появлялся то тут, то там и так же внезапно исчезал и везде пользовался большою известностью. Люди того века, с их склонностью ко всему чудесному, охотно верили, что он существо высшее, постигшее тайны бытия. Но это высшее существо, как, впрочем, и все, ему подобные, умели очень хорошо обделывать свои земные дела и зарабатывать самыми разнообразными способами очень крупные деньги. Так, например, во время пребывания в Александрии, он и Ка-

лиостро, за неимением других доходов, занялись выработкой из пеньки ткани, которую нельзя было отличить от настоящей золотой парчи. Они продавали, конечно, ее за настоящую и нажили на этом большие деньги.

После довольно продолжительного путешествия по Египту, Родосу и Мемфису наши друзья решили избрать ареной своих действий опять Европу. С этой целью они сели на корабль, который по дороге должен был зайти в Мальту, где у Алтотаса были хорошие знакомые, в том числе и главный магистр мальтийского ордена Пинто.

Таким образом, упоминание Калиостро в своих мемуарах о посещении им вместе с Алтотасом мальтийского магистра не является с его стороны выдумкой. Он действительно был там, как впоследствии установила римская инквизиция, и пользовался покровительством Пинто. Конечно, о каком-то родстве между ними, как претендует Калиостро, не могло быть и речи; это уж он придумал впоследствии для большей таинственности. Причину ласкового приема друзей магистром следует искать в чрезвычайном увлечении этого последнего всякого рода тайными науками, алхимией, черной и белой магией и тому подобными вещами. У него имелась великолепно оборудованная лаборатория, в которой и принимались действовать друзья. Пинто ликовал: никогда еще не было у него таких хороших учителей. Самые трудные, казалось, невыполнимые задачи, разрешались ими. Несколько раз Пинто присутствовал на превращении простых металлов в золото и вполне убедился, что оба его друга обладают тем таинственным философским камнем, при помощи которого только возможно это чудесное превращение.

В таких занятиях прошло довольно много времени, по истечении которого Калиостро, снабженный рекомендательными письмами самого магистра, отбыл в Неаполь. Алтотас исчез немного раньше неизвестно куда, и с тех пор Калиостро уже с ним не встречался. Тотчас же по прибытии в Неаполь он направился к рыцарю Аквино ди Караманика, у которого встретил самый радушный прием, благодаря рекомендательному письму магистра. Здесь время проходит так же, как и на Мальте, в различных магических сеансах, вызывании духов и занятиях алхимией. Вскоре вокруг него образовался целый кружок почитателей, над которыми он безнаказанно вытворял разные фокусы. Между прочим, он охотно принял предложение одного князя помочь ему отыскать философский камень и для этой цели последовал за ним в его имение около Мессины. Но пребывание на родине оказалось не столь приятным. Вскоре после приезда он случайно встретился с одним из «демонов», его сообщников, в проделке с Марано. «Демон» этот был просто бывший монах, человек подозрительной профессии, встреча с которым не обещала Калиостро ничего хорошего. Он больше всего боялся, как бы не всплыли наружу его настоящее происхождение и старые дела, поспешил поэтому распротиться с князем и отправился опять в Неаполь вместе со своим товарищем, предложившим ему открыть игорный дом. Что было делать? Нужда стучалась в дверь, а Калиостро к этому времени успел так привыкнуть к широкой, богатой жизни, что бедность представлялась ему чем-то ужасным. Но до открытия игорного дома не дошло, так как оба товарища были арестованы, прежде чем добрались до Неаполя. Их обвинили в по-

хищении какой-то женщины, и, хотя им удалось оправдаться, полиция все равно так подозрительно отнеслась к ним, что отбила у Калиостро всякую охоту поселиться в Неаполе. Пребывание на юге становилось все более опасным, и Калиостро решил избрать полем своих действий какую-нибудь другую местность.

VI

Через некоторое время мы видим его уже в Риме. Но это уже не прежний таинственный чародей, творящий разные чудеса. Подобному человеку плохо пришлось бы в вечном городе, где еще существовала и действовала святая инквизиция. В городе царило духовенство с иезуитами во главе, вмешиваясь во все общественные и личные дела, яростно преследуя и подавляя всякие явления, выходящие из рамок повседневной, обывательской жизни. Калиостро, как умный человек, сразу понял это и круто повернул фронт. Он поселился в тихой, скромной улочке, недалеко от церкви, оделся в темное платье и с первого же дня стал усердно посещать церковь, стараясь как можно чаще попадаться на глаза священнику-иезуиту. Он со слезами на глазах принес ему на исповеди полное раскаяние во грехах, говорил о своем пламенном желании послужить святой церкви и совсем расположил к себе своего духовника, который обещал ему свое полное содействие. Кроме того, ему помогли тут так же, как и в Неаполе, прежние рекомендательные письма Пинто. Благодаря им, он был принят у посланника мальтийского ордена и через него получил доступ в самое знатное общество Рима. Он держал себя там замечательно скромно и не упускал

случая оказывать разного рода услуги своим покровителям. Занимаясь втихомолку продажей своих эликсиров и пилюль, он умел делать это так ловко, что заинтересованные в этом лица не могли нахвалиться на его скромность и деликатность и при случае щедро вознаграждали его за это.

Тут же в Риме случилось еще одно важное событие в жизни Калиостро. Однажды, проходя по одной улице, он увидел в окне темноволосую женскую головку, наклонившуюся над работой. «Каково-то ее лицо?» — мелькнуло у него в голове, и в ту же минуту девушка подняла голову. Взоры их встретились, и в черных глазах незнакомца красавица прочла такое пламенное восхищение, что лицо ее вспыхнуло густым румянцем, и она поспешно склонилась над работой, успев, однако, хорошо разглядеть красивого незнакомца.

Восхищенный красотой девушки, Калиостро поспешил навести о ней справки. Оказалось, что то была единственная дочь резчика по металлу Феличчани, звали ее Лоренцей и ей только что минуло пятнадцать лет.

С этого дня, куда бы Лоренца ни шла, она непременно встречала своего поклонника. Скоро он нашел случай познакомиться с ней и ее семейством, а через неделю уже просил ее руки. Отец и мать колебались, но Лоренца так умоляла их не губить ее жизнь, говоря, что она и дня не проживет без своего возлюбленного, что родителям пришлось уступить. Калиостро, с присущей ему ловкостью сумел уверить их, что ему предстоит блестящая будущность, что он богат, носит титул графа, так что старики совершенно успокоились.

Через некоторое время сыграли свадьбу и моло-

дые поселились в квартире Калиостро. Первый месяц все шло хорошо. Лоренца обожала своего мужа и, будучи от природы натурой довольно пассивной, всецело подчинилась его влиянию. А ему это только и нужно было. С самой первой их встречи у него созрел план сделать из Лоренцы послушное орудие для своих корыстолюбивых целей. Она была молода, замечательно красива, тем лучше! Он хорошо знал людей с их слабостями и решил извлечь всю выгоду, которую представляла красота Лоренцы.

Ему уже давно наскучила роль ханжи, и он опять начал втихомолку сближаться с разного рода проходимцами, в которых в Риме недостатка не было. Особенно часто бывали у них в доме некий Оттовие Никастро и Альято, выдававший себя за маркиза. Последний обладал изумительным умением подделывать чужие паспорта и снабдил Калиостро очень хорошо подделанным дипломом на чин капитана испанской службы.

Лоренце не нравились эти гости, досаждавшие ей своими грубыми любезностями, но когда она вздумала пожаловаться на них мужу, то встретила одни только насмешки.

— Они мои друзья, и ты обязана им угодать, — резко заметил он Лоренце. — У тебя теперь не должно быть своей воли, своих желаний. Ты всецело принадлежишь мне и обязана исполнять все, что бы я ни приказал тебе. Прикажу, и ты завтра же станешь любовницей того богатого старика, который сейчас увлекается моей алхимией.

Лоренца в ужасе бросилась к своим родителям, умоляя защитить ее. Те, конечно, возмутились, жалели несчастную дочь, но стоило только вновь появиться Калиостро, и Лоренца опять, как безвольная

раба, пошла за ним. Это была последняя вспышка ее еще честной, чистой натуры. С этих пор Калиостро всецело подчинил ее себе.

Вскоре после этого случилось одно событие, совершенно изменившее жизнь супругов. Никастро, повздорив с Калиостро, написал на него донос. К счастью, Калиостро вовремя узнал об этом и, конечно, поспешил поскорее скрыться из Рима, не имея никакого желания попасться в руки иезуитов. И вот для четы Калиостро началась кочевая, полная необычайных приключений, жизнь.

VII

На пыльной дороге, ведущей в Барселону, царило большое оживление. Недавно только кончился обычный городской базар, и теперь все окрестные жители, привозившие на него свои припасы, спешили до темноты возвратиться домой. Посреди дороги мчались, обгоняя друг друга, бойкие крестьянские лошаденки, запряженные в пустые телеги. По краям шли пешеходы, большею частью парни и девушки, весело перекидываясь шутками.

Вдруг одна из групп, шедших впереди, остановилась.

— Что там такое? — раздались недовольные голоса шедших позади. — Что вы стали?

— Да вот, подите-ка, посмотрите сами, — крикнула одна из девушек.

На краю дороги, прислонясь к придорожному камню, сидела какая-то молодая женщина, с необыкновенно красивым, но грустным и изможденным лицом. Ее большие, черные глаза то скользили безучастным взглядом вокруг, то останавливались на

человеке, стоявшем над ней, и тогда в них мелькал страх. Оба они были одеты в грубую, темную одежду, какую обыкновенно носят пилигримы.

— А что, далеко еще до Барселоны? — обратился на ломаном испанском языке к одному из подошедших мужчина.

.. Нет, рукой подать. А вы откуда? — раздался голоса.

Мы бедные пилигримы, идем на поклонение святому Иакову Компостельскому, — неохотно отвечал мужчина и, обращаясь к молодой женщине, сказал строгим тоном:

— Лоренца, вставай, я жду! Что это еще за нежности!

Молодая женщина вся съежилась под его тяжелым, гипнотизирующим взглядом и покорно встала. Через минуту супруги Калиостро уже опять шагали по направлению Барселоны. Но каким же образом очутились они в Испании, да еще в таком жалком положении?

После доноса Никастро, принудившего супругов Калиостро бежать из Рима, они направились на север. Конечной целью их была Венеция. Вместе с ними увязался и Альято, безумно влюбленный в Лоренцу.

После некоторых удачных проделок в Венеции наши путешественники отправились дальше, но успели доехать только до Бергамо, где с ними случилась неприятная история. Их арестовали по предписанию из Венеции, и хотя скоро выпустили за неимением улик, но тем не менее происшествие это имело для них очень печальные последствия. Виновик этого ареста маркиз Альято, которого, собственно, и ловила венецианская полиция, сумел вовремя

скрыться, унеся с собой заветную шкатулку в которой хранились все деньги.

Первый раз, кажется, в течение всей своей жизни очутился Калиостро в таком отчаянном положении Куда двинуться? От кого ждать помощи? Долго ломал он себе голову над этим вопросом, пока не нашел единственного в данную минуту исхода Он вспомнил, как хорошо относится духовенство к благочестивым пилигримам идущим куда нибудь на поклонение их снабжают одеждой даже деньгами и дают рекомендательные письма к священникам Задумано, сделано Калиостро тотчас же направился к местному священнику, прикинулся набожным католиком, и через день он и Лоренца шли уже в одежде пилигримов по направлению к границе, избрав, под предлогом поклонения святому Иакову Компостельскому, целью своего путешествия Испанию где Калиостро надеялся поправить свои дела Но он ошибся в своих ожиданиях В первом же городе, Барселоне, им не повезло и после шести месячного пребывания там, мы видим их в бедной гостинице без гроша денег в кармане

Всякий другой на месте Калиостро отчаялся бы в своих силах, но этот человек был не таков. В его голове созрел уже новый план. Тут в Барселоне он впервые решает пустить в ход одно, еще неиспробованное средство, в успехе которого он, впрочем, не сомневался, а именно, свою жену. Лоренца к этому времени уже прекрасно усвоила все воззрения своего мужа и не возмутилась, когда он открыто приказал ей пустить в ход свое обаяние и красоту, чтобы поправить их не блестящее положение Первая попытка этого рода была впрочем, довольно невинного свойства

Лоренце приказано было отправиться на исповедь к пастору соседней церкви. Она, конечно, повиновалась и, по наущению мужа, рассказала духовнику целую историю. По ее словам, она и муж происходили из знатных римских семейств, но так как родители их были в ссоре, они принуждены были повенчаться тайно и бежать в Испанию, здесь им пришлось очень плохо, так как произошла какая-то задержка в высылке им из Рима денег.

— Много слышала о вашей доброте и отзывчивости и решила поэтому прибегнуть к вам, ваше преподобие,— заключила Лоренца свое повествование.— Не снабдите ли нас небольшой суммой на время. Вы можете быть уверены, что по прошествии нескольких дней она будет вам возвращена сполна.

Через четверть часа Лоренца была уже дома и с торжеством показала мужу свою добычу. На другой день пастер пожаловал к супругам с визитом, величал их «эччеленцами», и, между прочим, в разговоре упомянул вскользь о том, что ему хотелось бы видеть брачное свидетельство «эччеленцы».

Но такового не оказалось, и пастер удалился, питая в душе сильное подозрение и решив исследовать это дело.

Калиостро и тут не растерялся. Он отправил жену к одному влиятельному сеньору, которому она очень понравилась. Он принял горячее участие в супругах, уплатил за них все долги и дал им значительную сумму денег.

Затем мы видим супругов в Мадриде, Лиссабоне и, наконец, после долгих мытарств, в Лондоне.

Каким образом зарабатывал Калиостро средства к существованию в столице Англии, можно видеть из одного примера.

С самого приезда туда, он сошелся с несколькими своими земляками сицилианцами, которые познакомили его с некоторыми квакерами. Один из них сильно увлекся красавицей Лоренцей. Этим и решил воспользоваться Калиостро. Он велел Лоренце всячески поощрять юного пуританина, страсть которого росла с каждым днем. Лоренца делала вид, что склоняется на его мольбы, и наконец назначила ему свидание. Восхищенный квакер не преминул явиться в назначенное место, где его уже поджидала Лоренца. Но только молодой человек заключил ее в свои объятия, как дверь отворилась, на пороге появился Калиостро в сопровождении своего друга сицилианца и со страшным гневом обрушился на несчастного, грозя ему неслыханным скандалом. Квакер тщетно умолял пощадить его и не предавать дела огласке, Калиостро оставался непоколебим. Тогда квакер прибег к другому средству и предложил Калиостро сто фунтов стерлингов за молчание. Тот для виду возмутился, но потом принял эти деньги и милостиво отпустил квакера.

Но все-таки, несмотря на все доходы, Калиостро посадили в один прекрасный день в тюрьму за долги. Но и тут его выручила Лоренца, которая познакомилась в церкви с одним богатым англичанином и уговорила его принять участие в муже, который и был выпущен на свободу.

VIII

Над Лондоном занималось сырое, холодное утро. Город еще спал, только на пристани царило оживление. Сегодня отходил пакетбот во Францию, и пассажиров набралось порядочно. Все приготовления

к отплытию были уже окончены, и через несколько минут пакетбот медленно отошел от берега. На палубе толпились пассажиры, желавшие в последний раз полюбоваться Лондоном. В числе их находились и Калиостро с женой.

Лоренца куталась от сырости в темный дорожный плащ и грустно думала о том, что ожидает ее в незнакомой Франции: опять унижения, обманы, погоня за деньгами, разочарования. Она подавила невольный вздох и оглянулась, ища мужа. Но тот уже спустился в каюту, и на его месте недалеко от нее стоял какой-то молодой человек и пристально смотрел на нее. Ей бросилось в глаза его открытое, симпатичное лицо, и она невольно ласково взглянула на него. Не прошло и четверти часа, как молодые люди уже разговорились. Новый знакомый, оказалось, тоже ехал в Париж, где он постоянно проживал. Фамилия его была Дюплесси, и он занимал довольно хорошее положение. Узнав, что и Лоренца едет в Париж, Дюплесси страшно обрадовался.

— Вот и отлично! — вскричал он, — мы можем, значит, все путешествие совершить вместе. В Булони меня дожидается собственный экипаж, в котором вам будет очень удобно доехать до Парижа.

— Благодарю вас, — нерешительно ответила молодая женщина. — Но я, право, не знаю, как посмотрит на это мой муж.

— Лоренца! — раздался в это время голос снизу.

Лоренца поспешно вскочила и, кинув своему собеседнику короткое извинение, исчезла в каюте. Через час она опять появилась на палубе, но уже в сопровождении мужа, которому успела все рассказать относительно Дюплесси и его предложения.

Калиостро моментально сообразил, какую выгоду представляет для них это знакомство, и Лоренца получила строгое приказание не отвергать ухаживания нового поклонника.

Достигнув Булони, наши путешественники пересели в экипаж, дожидавшийся уже там. В карете было место только для двоих, их и заняли Лоренца и Дюплесси, а Калиостро скромно поместился на козлах возле кучера.

Путешествие так сблизило влюбленных, что Дюплесси и слышать не хотел о разлуке. Он без труда уговорил супругов поселиться вместе с ним в его доме и даже предложил Калиостро ежемесячное пособие, которое тот великодушно принял.

Тотчас же по приезде в Париж Калиостро пустил в ход свой жизненный эликсир и сначала довольно успешно сбывал его легковверным пациентам. Жизнь он вел светскую, стараясь заводить знакомства, бывая в театре, на балах, одевался роскошно, конечно, все в долг и совсем не обращал внимания на Лоренцу, которая переживала тяжелое время. Она первый раз в своей жизни горячо полюбила и встретила полную взаимность. Дюплесси обожал ее до того, что терпел ради нее присутствие ее мужа, наглость которого с каждым днем увеличивалась. Но наконец и Дюплесси не выдержал и стал умолять Лоренцу бросить мужа, который не принес ей ничего, кроме горя и унижений. Лоренца долго колебалась, опасаясь Калиостро, но наконец уступила мольбам своего возлюбленного.

В один прекрасный вечер, вернувшись из театра, Калиостро нашел свою квартиру пустой. Лоренца неизвестно куда скрылась. Взмешенный, бросился он к Дюплесси, но ничего не мог от него добиться: тот

отговорился полным неведением о местопребывании Лоренцы.

Калиостро рвал и метал; не жену ему было жалко, он ведь ее никогда и не любил, а свою рабу, безответную исполнительницу всех его планов. Он только теперь понял, насколько важно было ему ее присутствие, и прилагал все усилия, чтобы найти ее.

Ему удалось скоро выведать, что Дюплесси часто исчезает на целые дни; проследить его было делом нетрудным. В одном из далеких предместий Парижа стоял маленький скромный домик. В нем-то и поселил Дюплесси Лоренцу в надежде, что здесь ее никто не отыщет. Но идиллия их скоро была нарушена самым грубым образом: нагрянула полиция и арестовала бедную Лоренцу, предъявив ей обвинение в нарушении супружеской верности и дурном поведении. В те времена по французским законам каждый муж мог подать в суд жалобу на неверную жену и просить о заключении ее под стражу. Та же участь постигла и Лоренцу. Она была увезена в исправительную тюрьму Сен-Пелож, где и пробыла три месяца. Там на досуге она успела обдумать свое положение и пришла к заключению, что ей всего лучше вернуться опять к Калиостро, с которым ее связывало прошлое. И вот она написала мужу полное раскаяния письмо, обещая в будущем ни на минуту не выходить из повиновения ему. Калиостро великодушно простил ее, и мир между супругами был восстановлен.

Остаться далее в Париже было невозможно, и Калиостро спешит покинуть его, решив на этот раз удостоить своим присутствием родину, где он уже давно не был. В Палермо он явился, окруженный ореолом знаменитого человека, богатого, пользующе-

гося покровительством великих мира сего. Обрадованные родители приняли его и Лоренцу с распростертыми объятиями и не могли надивиться красоте и приветливости молодой невестки и рассказам Джузеппе об его необычайных приключениях.

Но Калиостро совсем позабыл о своем злейшем враге, ювелире Марано, который, прослышав об его приезде, сейчас же подал в полицию заявление об его аресте и требовал применения к нему самого строгого наказания, а именно, повешения. Опять нужно было спасаться. Через некоторое время супруги уже в Марили. Здесь Калиостро ожидала обильная жатва. Он случайно познакомился с одной, уже довольно пожилой, очень богатой дамой, на которую произвел неотразимое впечатление. Заметив это, Калиостро пустил в ход все свое обаяние и вскоре совершенно победил старуху. Она страшно увлеклась разными тайными науками, отыскиванием кладов, алхимией; а кто же лучше Калиостро был знаком со всем этим! И вот наш герой очутился в привычной обстановке. Целые дни и ночи проводил он со своей поклонницей в обширной лаборатории, кипятя, расплавляя и перегоня всякие металлы и жидкости. Единственным человеком, допускавшимся в их общество, был старый друг этой дамы, когда-то ее возлюбленный, но теперь совершенно спокойно смотревший на то, что его место занял другой, более юный соперник. Старик этот тоже страстно увлекался отыскиванием философского камня, и вот Калиостро принялся эксплуатировать их обоих, выманивая у них крупные суммы на необходимые якобы инструменты и пособия.

— Ну, теперь все готово,— объявил он в один прекрасный день,— но прежде чем приступить к

самой работе, мне необходимо съездить за одной травой, растущей довольно далеко отсюда. Боюсь только, что расходы на это покажутся вам слишком большими.

— Что вы! — поспешил его уверить старик, — берите, сколько вам нужно.

Калиостро взял тысячу эку и обещал завтра же ехать за травой, но когда на другой день старик пришел его проводить, то застал супругов в большом горе. Они только что получили известие о смертельной болезни отца Лоренцы в Риме, и несчастная женщина со слезами умоляла мужа ехать туда, чтобы застать отца в живых. Добрый старик был растроган ее горем.

— Конечно, вам следует немедленно отправиться в путь, — вскричал он. — У меня как раз есть совсем новая дорожная карета. Возьмите ее и поезжайте с богом!

— Но наша работа? — слабо запротестовал Калиостро.

— Об этом поговорим по вашему возвращении, — прервал его добряк. — А теперь собирайтесь скорее. Я пойду распорядиться.

Через несколько часов от дома, где жил Калиостро, отъезжала тяжелая дорожная карета. На крыльце стояли их опечаленные друзья. Старушка утирала тихонько слезы, вызванные отъездом ее кумира, а ее старый друг приветливо махал платком до тех пор, пока карета не исчезла за поворотом.

— Прощайте, старые глупцы, — рассмеялся Калиостро, откидываясь на мягкую спинку кареты. — До чего люди легковверны! Каждой сказке поверят, если ее рассказать правдоподобно. А теперь, Лоренца, пожелаем твоему отцу еще долгих лет здравствовать

и махнем-ка опять в Испанию. А ты, между прочим, отлично провела роль безутешной дочери.— И он опять громко захохотал, вспоминая, как ловко провел он своих доверчивых поклонников.

IX

С этого момента Калиостро начало улыбаться счастье. Пробыв около года в Испании и заработав там порядочно денег, он опять направился в Лондон. Но на этот раз он прибыл туда не жалким искателем приключений, мелким шарлатаном, а независимым, богатым человеком, слава которого начинала уже расти.

Первым его делом по прибытии в Лондон было завести сношение с тамошними масонами. То был самый блестящий период масонства, насчитывавшего своих членов тысячами. Калиостро, вступив в одну из многочисленных масонских лож, с самого начала объявил себя приверженцем египетского масонства, вывезенного им, как он уверял, с востока. Весь мир, по этому учению, находится под властью духов высшей или низшей организации. Кроме этого полчища небесных сил существуют иные, служащие злему началу и находящиеся в вечной борьбе с ангелами из-за душ человеческих, посредством известных алхимических и каббалистических операций, формул и манипуляций с крестом, треугольником и кругом. Некоторые добродетельные, избранные Провидением люди получили власть над этими духами высших или низших ступеней и могли с их помощью вызывать умерших, получать дар ясновидения и готовить первоначальное вещество, «*materia prima*», из которого произошли все предметы на земле,— по-

следнее давалось, впрочем, в удел только лицам, достигшим высшей степени духовного совершенства. Они одни только могли превращать ртуть в твердое вещество, из которого потом получалось серебро, а затем золото. В него превращались и прочие неблагородные металлы при помощи *materia prima*.

Древнее египетское масонство было основано, как утверждал Калиостро, еще Енохом и Илией. Последователям его обещалось достижение физического и морального совершенства.

Новое учение быстро распространялось по Лондону и привлекло массу адептов. В городе было только и разговоров о чудесном графе Калиостро или о Великом Кофте, как он стал называть себя.

Никто не мог бы признать прежнего юркого шарлатана в этом человеке с величественными манерами, с каким-то проникновенным взглядом, заставлявшим трепетать людей. Можете себе представить, какой фурор произвело его первое появление на одном из приемов, устроенном в его честь. На нем была длинная шелковая одежда, походившая на священническую рясу; она была зеленого цвета и от плеч до пят расшита иероглифами красного цвета. На голове красовался убор из сложенных египетских повязок, падавших концами вниз. Повязки эти были из золотой парчи и придерживались на голове цветочным венком, усыпанным драгоценными камнями. По груди шла лента изумрудного цвета с нашитыми на ней буквами и изображениями жуков. Пояс из красного шелка, на котором висел широкий меч с рукояткой в форме креста, доканчивал это своеобразное одеяние.

Свободно и гордо вошел он в зал, где собрались жаждавшие его видеть гости. Глаза его были уст-

ремлены куда-то в пространство, поверх голов собравшихся. Лишь изредка на лице его мелькало слабое подобие улыбки, и тогда стоявшие поближе могли слышать отрывистые слова на незнакомом языке, обращенные к какому-то невидимому существу.

— Это он разговаривает со своим духом-покровителем,— шептали кругом.

— Ах, мне так хочется с ним поговорить! — вздохнула одна молоденькая женщина.

— Неужели ты боишься? — отозвалась ее подруга.— Бери пример с меня. Я нисколько не боюсь и сейчас подойду к нему и заговорю.— С этими словами бойкая дама решительно подошла к Калиостро, стоявшему в задумчивости у одной из колонн.

— Скажите, в чем, собственно, состоит ваше египетское масонство? — быстро начала она.

Калиостро медленно повернул голову и окинул любопытную строгим взглядом. Та немного смутилась, но повторила свой вопрос. Ответом было опять молчание. Дама окончательно смешалась и уже собиралась отойти, когда Калиостро вдруг величественным жестом остановил ее и, вынув из складок своей одежды клочок белой бумаги, что-то начертил на нем и передал даме. Та с недоумением приняла этот дар и поспешила отойти от странного человека.

— Что он вам дал? — обступили ее друзья.

Дама развернула бумажку. На белом фоне ясно выделялся загадочный рисунок, изображавший змею, державшую во рту яблоко, пронзенное стрелой.

— Что это значит? — раздались недоумевающие голоса.

— Я вам сейчас объясню,— вмешался один из гостей.— Это эмблема Великого: земля олицетворяет

самого мудреца, обязанного хранить в тайне, никому не доступной, свои знания.

— Как это глубоко и таинственно! — задумчиво произнес кто-то, и взоры всех опять обратились на Калиостро. Лоренца тоже не отставала от мужа. Она теперь называлась уже Серафимой, как бы намекая на свое тоже неземное происхождение, и держала себя так же неприступно и гордо, как и ее муж.

Пробыв в Лондоне около года, супруги Калиостро наконец уехали оттуда, сопровождаемые самыми горячими пожеланиями и просьбами поскорее вернуться. Путь их лежал через Германию в холодную, незнакомую Россию, о которой Калиостро столько уже слышал, и где он ожидал встретить горячий прием. Немецкие масоны встретили Калиостро с распростертыми объятиями, берлинское общество, подобно лондонскому, ломилось на его сеансы, на которых он проделывал изумительнейшие вещи вроде вызывания мертвецов, показывания судьбы в стакане воды или в зеркале и т. п. Народная молва окружала его имя каким-то волшебным ореолом. Не так взглянул на его проделки король прусский Фридрих Великий. Его здоровой натуре, воспитанной в творениях великих французских философов, всегда было чуждо увлечение чем-нибудь таинственным, выходящим за пределы здравого смысла. Он едко высмеивал Калиостро, но, видя, что насмешки не помогают и что увлечение тайными науками принимает характер какой-то эпидемии, решил принять строгие меры к искоренению этого зла и первым делом взялся за виновника всего того шума, самого «Великого Кофта».

Калиостро получил предписание в 24 часа покинуть Берлин, иначе ему грозило заточение в крепости

Шпандау. На другой день из восточных ворот Берлина выезжала дорожная карета, в которой сидели супруги Калиостро, покидавшие навсегда негостеприимную столицу.

Но народная молва не удовлетворилась таким простым исчезновением своего героя и создала по этому поводу целую легенду, лишняя раз подтверждавшую, до какой степени все умы были погружены в дебри таинственного. Берлинцы клялись и божились, что Калиостро каким-то непостижимым образом, известным только ему одному, сумел выехать в одну и ту же минуту сразу из всех ворот Берлина. В свидетелей приводили сторожей, из которых каждый уверял, что видел собственными глазами, как граф выезжал из ворот. Из этого следовало, что Калиостро обладал еще особенным даром являться в одно и то же время в разных местах и разным людям.

Прежде чем расстаться с Германией окончательно, Калиостро решил привести в исполнение план, который питал уже давно. Ему было известно, что в одном из старинных замков в Голштинии проживает человек, имя которого, как имя Калиостро, гремело по всей Европе. То был знаменитый граф Сен-Жермен, личность действительно замечательная по той таинственности, в которую он успел себя облечь. Кто он был, где родился, осталось неизвестным и до сих пор. А человек этот целые десятки лет сводил с ума все столицы мира, удивляя такими фокусами, перед которыми бледнели все проделки Калиостро и ему подобных. Когда его спрашивали, сколько ему лет, он начинал рассказывать о переходе вместе с Моисеем через Черное море или о том, какие беседы вел с ним Платон в Афинах. При этом

он с такими подробностями рассказывал обо всем якобы виденном и пережитом, что у слушателей не оставалось никакого сомнения, что он действительно видел все это собственными глазами. Раз он заставил все общество проливать горькие слезы, рассказывая в ярких красках о страданиях и распятии Иисуса Христа, близким другом которого он себя величал. Долгое время мистифицировал он парижан, причем в числе его самых близких друзей была тогдашняя негласная правительница Франции всесильная маркиза Помпадур, пока в один прекрасный день не исчез неизвестно куда. Только спустя много времени узнали, что он поселился в уединенном замке в Голштинии, где окружил себя необыкновенной таинственностью и принял титул «Владыки верующих».

К этому-то замечательному человеку и направились на поклонение наши супруги.

Сен-Жермен, извещенный об их приезде, приказал им явиться к нему на прием в 2 часа ночи.

В назначенный час Калиостро и Лоренца стояли у подножия замка, смутно черневшего своей громадой во мраке ночи. Послышался звук цепей подъемного моста, и посетители, пройдя по нему, очутились перед воротами, где их уже ждал человек огромного роста, одетый в серое платье. В руке он держал пылающий факел, которым освещал дорогу. Пройдя длинный коридор, Калиостро и Лоренца очутились в большой полуосвещенной комнате, где их проводник знаком приказал им снять верхнюю одежду. Они повиновались и, сняв свои темные плащи, очутились в белых, длинных одеждах, подпоясанных алыми поясами.

Кругом царила глубокая тишина. Вдруг, как по мановению волшебного жезла, растворились широкие

двери, и глазам посетителей открылся огромный высокий храм, сиявший тысячью огней. В середине его возвышался род алтаря, где на золотом троне восседал сам «Владыка верующих», великий Сен-Жермен, облеченный в богатое фантастическое одеяние. На груди у него сияла, переливаясь всеми цветами радуги, брильянтовая звезда. У подножия алтаря неподвижно стояли два прелестных юноши с благовонными курильницами в руках. В глубине за алтарем виднелось огромное зеркало, над которым красовалась надпись: «Вместилище блуждающих душ». Поодаль стояла неподвижно, как изваяние, фигура в белом, державшая в руках сосуд с «эликсиром бессмертия».

Лоренца и Калиостро, ослепленные всем этим блеском, опустили на колени.

И вот, среди глубокого безмолвия, до них донесся чей-то повелительный голос:

— Кто вы? Откуда пришли? Чего ищете?

— Я пришел поклониться сыну природы и отцу истины,— отвечал также торжественно Калиостро.— Я прошу у него одну из четырнадцати тысяч семи тайн, хранящихся на его персях, и хочу сделаться рабом, его проповедником и его мучеником!

— Чего желает спутница твоих дальних странствований? — спросил тот же голос.

— Повиноваться и служить! — последовал ответ Лоренцы.

И вдруг свечи, озарявшие храм своим блеском, потухли, густой мрак окутал все окружающее, страшный шум, похожий на порывы бури, наполнил весь храм, и среди этого хаоса опять прозвучал тот же голос:

— Горе тем, кто не выдержит испытаний!

Лоренца почувствовала, что ее берут за руки и ведут куда-то. Через минуту она уже стояла в большой комнате.

— А, наконец-то ты пришла! — вскричал чей-то голос, и перед Лоренцей очутился какой-то человек весьма страшного вида и с адским хохотом потребовал, чтобы она отдала ему брильянтовый убор, бывший на ней. Молодая женщина повиновалась. Вдруг человек исчез, а на его месте очутился красавец-юноша, с страстной мольбой склонившийся к ней. «Я люблю тебя,— шептали его губы.— Будь моей! Ты будешь счастлива, как ни одна женщина в мире». Но Лоренца не поддается искушению. И опять все исчезает. Лоренца видит перед собой мрачное подземелье, освещенное кровавым отблеском факелов. Перед ней разворачивается картина нечеловеческих страданий: в одном углу пытаются извивающихся от адской боли мужчин и женщин, из другого несутся вопли, заглушаемые свистом плетей. Вон ведут на плаху бледного человека в окровавленной одежде. Еще минута, и голова его скатывается с помоста. Всюду кровь, искаженные лица, изуродованные тела. Среди хаоса воплей вырываются слова: «Мы — мученики наших добродетелей! Вот как платят нам за благодеяния, которые мы рассыпали перед людьми! Вот как благодарят за наши труды и жертвы!»

Лоренца в ужасе закрыла глаза, ей казалось, что она теряет сознание. Когда она открыла их, она увидела себя опять в ярко освещенном храме. Рядом с ней стоял Калиостро, который так же, как и она, блестяще выдержал свой искуc. Теперь предстояло еще выслушать последнее напутственное наставление учителя.

— Величайшая из тайн,— раздался его глубокий голос,— состоит в умении управлять людьми и единственное к тому средство — никогда не говорить им истины; нужно действовать вопреки здравому смыслу и смело проповедовать величайшие нелепости...

С благоговением внимали Калиостро и Лоренца мудрым речам своего наставника, и мы увидим впоследствии, как они сумели применить на деле все пережитое ими у графа Сен-Жермена.

Х

В одном из старинных домов Митава собралось небольшое общество. Красивые, породистые лица дам, гордая осанка мужчин, изысканные манеры указывали на принадлежность их к высшему кругу. И действительно, это был обычный приемный вечер у генерал-губернатора Курляндии, графа Медема. Обыкновенно на этих вечерах царила самая чопорная скука, но сегодня на лицах всех гостей светилось оживление и плохо скрытое нетерпение, заставлявшее их все чаще и чаще поглядывать на дверь.

— Так вы имели уже счастье познакомиться с ним, милая Элиза? — обратилась одна из присутствующих дам к молодой, красивой женщине, сидевшей на диване.

— Да,— ответила та.— И это был счастливейший момент моей жизни. Как только взгляд его глубоких, черных глаз остановился на мне, я почувствовала, что этот человек видит меня насквозь, знает все сокровенные тайны моей души. Нет, слухи, ходившие о нем, не обманули меня. Митава должна радоваться, что ее удостоил своим присутствием великий Калиостро.

В это время дверь широко распахнулась, и в зал вступил сам Калиостро в сопровождении своей верной Лоренцы. Все гости невольно поднялись с мест и склонились перед вошедшим, как бы признавая этим сразу его превосходство над ними. Его поклонница г-жа фон Реке приблизилась к нему и, перекинувшись с ним тихо несколькими словами, обратилась к присутствующим:

— Господа! Наш великий учитель, снисходя к нашим просьбам, соглашается показать нам, непосвященным, пример того, как умеет он повелевать духами и проникать в самые сокровенные тайны человеческой души.

Гостей охватил невольный трепет. Граф Медем, убежденный масон, страстно увлекающийся магией, шептал на ухо своему соседу:

— Вы знаете, этот человек положительно уверяет меня, что в моем имении, где-то в лесу хранится огромный клад. Но его стерегут злые духи, и, если он достанется им, мир ожидают неисчислимые бедствия. Поэтому все должны соединить свои молитвы с молитвами Калиостро, а не то последуют ужасные бедствия. Сегодня он обещал выяснить это.

В зале между тем шли приготовления к сеансу. Исполнителем своей воли Калиостро выбрал маленького шестилетнего мальчика, сына графа. Для этого он облек его в белую одежду, помазал грудь и руку «маслом премудрости». Потом, спросив имена двух умерших членов семьи Медем, записал их с разными каббалистическими знаками на бумажке, сжег записку на свечке и пеплом ее натер голову мальчика, которого затем ввел в соседнюю комнату.

Присутствующие, которым велено было хранить самое строгое молчание, с замиранием сердца сле-

дили за всеми этими приготовлениями. Калиостро между тем вооружился шпагой и начал махать ею перед дверью, произнося какие-то непонятные слова, вроде: гелион, мелион, тетраграмматон!

В это время кто-то из присутствующих пошевелился. Калиостро пришел в исступление.

— Тише! — закричал он, обращаясь к гостям. — Вы не понимаете, какой опасности подвергаете себя, производя шум! «Очарование нарушено. Ему придется начинать все сначала, — прошептала с упреком Лоренца. — Умоляю вас, тише!»

Успокоившись, Калиостро снова начал свои манипуляции, доведя их на этот раз благополучно до конца. Мальчику приказано было стать на колени и смотреть в графин с чистой водой, за которым поместили две зажженные свечи. Затем Калиостро оставил его одного. Сеанс начался.

— Смотри хорошенько в графин, что ты там видишь? — раздался голос Калиостро.

— Я вижу лес, — донесся слабый голос ребенка, — поваленное дерево...

— Узнаешь ли ты это место?

— Да, это лес в нашем имении. А вон какая-то яма возле дерева.

— Что в ней лежит?

— Золото, какие-то бумаги, блестящие камни. Ах, какой красивый юноша! Он улыбается мне, указывает рукой на яму.

«Это мой клад», — пронеслось в голове восхищенного графа, а Калиостро между тем продолжал:

— Попроси юношу, чтобы он показал тебе господина NN с цепями на шее, руках и ногах.

— Я вижу NN, он очень печален, на нем цепи. Ах, юноша затягивает их крепче!

Где находится NN?

В своем имении.

Ну, а геперь что ты видишь?

Я вижу маму и сестру, раздался радостный голос мальчика.

— Что делает твоя сестра?

— Она сидит на диване, положила руку на сердце, будто оно у нее болит. Вот она встает, идет на крыльцо, по которому поднимается мой брат. Он только что вернулся домой. Они целуются.

— А теперь что ты видишь?

— Красивого, высокого мужчину в белом платье с красным крестом на груди.

— Поцелуй у него руку! Это твой покровитель!

С этими словами Калиостро конвульсивным движением растворил дверь и вывел мальчика. Но тут силы покинули его, и он упал в обморок. Придя через несколько минут в себя, он исчез в той комнате, плотно затворив за собой двери. Через минуту до публики стали доноситься оттуда какие-то непонятные слова, шум. Наконец дверь отворилась и на пороге появился сияющий Калиостро.

Все кончилось благополучно! Злые духи скованы. Что касается NN, то он немного провинился передо мной, и я наказал его за это болью.

Впечатление от этого первого сеанса получилось потрясающее. Некоторые видения мальчика подтвердились на деле: как раз в тот момент, когда он видел своего брата, тот, действительно, приехал домой после продолжительного отсутствия. Это еще более укрепило мнение митавцев, что перед ними существо, обладающее нечеловеческою силою.

Популярности Калиостро содействовали еще его удачные исцеления многих больных. Будучи прекрас-

ным магнетизером, он широко применял внушения и достигал иногда удивительных результатов. За лечение он никогда ничего не брал, что еще более увеличивало его славу среди бедного населения, которое, кроме того, получало от него щедрые пособия.

«Это доктор, — говорит о нем один из его современников, — глубоко изучивший каббалистику и в особенности ту часть этой науки, которая руководит в сношениях с мертвецами, с элементарными силами и с отсутствующими. Калиостро посвящен во все тайны розенкрейцеров и знает все, доступные человеческому уму науки. Это благодетельный сифф, излечивающий болезни бедняка даром и продающий долголетие богатым».

Последняя фраза относится больше к Лоренце, которая, пока ее муж лечил даром бедняков, чрезвычайно выгодно сбывала своим богатым поклонникам пресловутый «жизненный эликсир».

Для супругов наступили теперь блаженные времена; деньги сыпались как из рога изобилия. Вокруг Калиостро толпились всегда поклонники и в особенности поклонницы, из которых выделялась Элиза фон Реке. Лоренца, в свою очередь, сводила с ума всех мужчин. Увлечение Калиостро дошло наконец до такой степени, что дворяне начали серьезно подумывать о том, не предложить ли ему корону Курляндского герцога. Но, говорят, что Калиостро будто бы гордо отказался от этого заманчивого предложения.

Главной целью пребывания Калиостро в Митаве было завязать через курляндское дворянство сношение с Петербургом. Он требовал поэтому, чтобы г-жа Реке отправилась с ним в Петербург, где у нее были многочисленные связи при дворе, а когда она категорично отказалась, то Калиостро позволил себе так

грубо обойтись с ней, что у ослепленной женщины открылись глаза. Она поняла, в руки какого шарлатана попала и впоследствии описала пребывание Калиостро в книге в которой вывела наружу все его ловкие проделки

Калиостро сообразил, что зашел слишком далеко и поспешил убраться из Митавы. Злые языки уверяли, что он увез с собой массу чужих драгоценностей и золото.

Путь его лежал в «Северную пальмиру» Петербург, о котором он давно мечтал. Ему мерещился блестящий прием у Екатерины. Кто знает, может, она предложит ему какую-нибудь высшую должность при дворе, и он будет помогать ей управлять этими «варварами, русскими». Полный радужных надежд, въезжал он в Петербург, где его ожидало горькое разочарование.

Екатерина II, подобно Фридриху Великому, не выносила людей, претендующих на обладание какими-то сверхъестественными знаниями, и с беспощадной насмешкой издевалась над людьми, увлекающимися подобными бреднями. Она сурово относилась к масонам, иллюминатам, а о Калиостро ходили как раз слухи об его принадлежности к этим обществам. Двор придерживался, конечно, взглядов государыни, и лишь немногие, в том числе статс-секретарь императрицы А.П. Елагин, заинтересовались графом Фениксом, как назывался здесь Калиостро. Он постоянно бывал в доме Елагина, занимался с ним делом золота, и тот просто души не чаял в своем новом знакомом. Домашние его выходили из себя. Для них Калиостро был просто наглым обманщиком, как выразился один из секретарей Елагина.

В довершение всего произошло одно событие,

окончательно подорвавшее кредит Калиостро в петербургском обществе. Надо сказать, что в Петербурге Калиостро широко развил свою врачебную практику, несмотря на то, что местные врачи отнеслись к нему крайне враждебно, что не мешало, конечно, петербуржцам обращаться к нему за помощью.

Однажды к нему на прием явился известный богач, князь Г. У него заболел единственный десятимесячный ребенок, и все усилия врачей спасти его оказались тщетны. Мальчик медленно угасал. В отчаянии князь прибегнул к Калиостро. Тот осмотрел ребенка и согласился его вылечить, поставив только условием, чтобы ему разрешили взять ребенка к себе и не видаться с ним в течение двух недель. Родители, скрепя сердце, согласились на эти тяжелые условия.

Прошло две недели, и Калиостро объявил, что может допустить отца взглянуть на ребенка, причем свидание не должно превышать двух минут.

Князь Г. не помнил от радости, когда, взглянув издаലെка на колыбельку, увидел в ней своего ребенка розового, полного, безмятежно улыбающегося во сне. Он осыпал Калиостро изъявлениями признательности, предлагал ему крупную сумму денег, но Калиостро от денег отказался, говоря, что лечит даром. После этого свидания прошло еще несколько недель, и наконец ребенок был возвращен счастливым родителям совершенно здоровым и цветущим. После этого чудесного излечения слава Калиостро значительно возросла. Скептические петербуржцы готовы были уже признать его за действительно выдающегося человека, как вдруг в княгине Г. зародилась ужасная мысль, которой она поспешила поделиться с близкими: у нее родилось ужасное подозрение, что

ребенка ей подменили, что этот мальчик не ее, а чужой. Проверить ее подозрения было невозможно, но они все-таки послужили к усилению недоверия к Калиостро. А тут еще случилось другое обстоятельство. Всесильный Потемкин начал весьма явно ухаживать за Лоренцей или принцессой Санте-Кроче, как она себя называла, чем вызвал недовольство Екатерины, и в один прекрасный день Калиостро был выслан из Петербурга.

Теперь путь его лежал в Париж куда его давно уже тянуло. Но там в это время царил знаменитый Месмер, и Калиостро счел поэтому более благоразумным остановиться на пути в Страсбурге.

19 сентября 1780 года и состоялось его прибытие туда.

XI

Уже с самого раннего утра на улицах Страсбурга царило большое оживление. Народ стоял шпалерами вдоль тротуаров, ожидая прибытия великого человека.

Наконец вдали показался экипаж, и воздух дрогнул от взрыва приветствий.

— Да здравствует великий Калиостро, друг человечества! — раздались восторженные крики.

В воздухе замелькали шапки, платки, матери поднимали своих детей, чтобы они лучше могли видеть благодетеля человеческого рода.

Калиостро и Лоренца, одетые в роскошные, залитые драгоценностями, платья, величественно раскланивались направо и налево, не подозревая, какую встречу готовит им сейчас судьба.

Из толпы, теснившейся около коляски, выскочил

вдруг какой-то оборванный старик и с громким криком бросился к самой двери экипажа.

Не верьте, добрые люди! кричал он. Вас обманывают. Это вовсе не граф Калиостро, а просто Джузеппе Бальзамо, негодяй и мошенник, обокравший меня. Отдай мне мои шестьдесят унций золота! — продолжал он, угрожающе махая кулаками перед самым лицом Калиостро.

Толпа замерла от неожиданности. И вдруг, среди всеобщей тишины совершенно ясно послышался чей-то мелодичный голос, слетавший, казалось, с самого неба: «Уведите безумца, которым овладел злой дух!» Толпа в страхе переглянулась. Тогда Калиостро величественным жестом указал на старика. Тотчас же несколько услужливых рук подхватили бедного Марано и, несмотря на его протесты, поволокли прочь. «Откуда этот голос? шептали, между тем, в толпе. Наверно, это дух-покровитель Великого»!

На самом деле все объяснялось гораздо проще. Калиостро в данном случае, как и тогда, в проделке с Марано, применил чрево вещание, которым владел в совершенстве.

Шествие между тем подвигалось все дальше, пока не остановилось у большой залы, выстроенной по заказу Калиостро. В ней были собраны его агентами всевозможные больные, которые и получили здесь полное исцеление.

Архиепископ Страсбурга, кардинал Луи де Роган, был один из самых типичных представителей старой, дореволюционной Франции, того отживающего восемнадцатого века, который спешил перед своим концом насладиться всеми благами мира. Красивый, изящный, самоуверенный, беспечно сорящий деньга-

ми направо и налево и успевший накопить колоссальную сумму долгов, принц Роган еще очень молодым был назначен кардиналом, что, впрочем, нисколько не помешало ему вести вполне светский образ жизни. Охота, шумные оргии и бесчисленные романы наполняли его существование, и так продолжалось бы вечно, если бы не одно происшествие, изменившее всю его судьбу.

В качестве архиепископа Страсбурга, на долю его выпала редкая честь приветствовать от лица всей Франции будущую дофину, юную, пятнадцатилетнюю Марию-Антуанетту, когда та еще невестой вступала в роковую для нее страну. Страсбург был первым французским городом, лежавшим на ее пути, и, понятно, что встреча здесь носила особенно торжественный характер. Город был великолепно украшен флагами и зеленью, из всех церквей неся торжественный перезвон, а при самом въезде в город юную принцессу ожидало все высшее духовенство и власти с кардиналом Роганом во главе. У Марии-Антуанетты невольно сжалось сердце, когда она встретилась глазами с кардиналом. Точно какое тайное предчувствие подсказало ей с первого взгляда опасаться этого человека. С этого дня в ней зародилась та непреодолимая антипатия к Рогану, столь повредившая ей впоследствии.

А кардинал переживал в это время совсем иное чувство. При первом же взгляде, брошенном на юную дофину, в его сердце вспыхнула слепая страсть. Он безумно влюбился в Марию-Антуанетту, и с тех пор мысль о ней поглощает его целиком. Он начинает всячески добиваться ее милости, но в ответ получает лишь презрительную улыбку. К счастью, судьба сжалась над ним и разлучила его на время с предме-

том его безнадежной страсти. Его назначили посланником в Вену, где он сначала имел большой успех даже у строгой Марии-Терезии, благодаря своей красоте и обаянию. Но это продолжалось недолго. Задумав перенести в Вену все свои французские привычки, он несколько ошибся в расчете. Чопорные венцы были страшно шокированы его скандальным поведением, и через год последовало его отозвание.

Он опять является при версальском дворе и встречается у Марии-Антуанетты самым ледяной прием. До нее дошли сведения, что он позволил себе рассказывать Марии-Терезии о легкомысленном якобы поведении дофины, которая и получила по этому поводу строгое внушение от матери. Слезами и просьбами Мария-Антуанетта добилась наконец удаления кардинала, и он, проклиная свой язык, отправился оплакивать свою разбитую любовь в страсбургский дворец, лишь на зиму перекочевывая обратно в Париж.

Время шло. Мария-Антуанетта была уже королевой Франции и беспечно веселилась в своем Трианоне, а бедный кардинал все ждал наступления лучших времен, с ужасом подмечая, как подкрадывается к нему старость со своими неизбежными болезнями. И вот как раз в это тяжелое время судьба столкнула его с Калиостро. Рогана уже многие годы жестоко мучила подагра. Когда слухи о чудесных исцелениях графа достигли его ушей, он тут же распорядился призвать Калиостро к себе во дворец. Но тот ответил категоричным отказом. «Если кардинал болен,— заявил он посланникам Рогана,— пусть приедет ко мне, и я его вылечу; если же он здоров, то не нуждается во мне, а я в нем».

Этот ответ произвел глубокое впечатление на

кардинала, и в нем еще сильнее разгорелось желание увидаться с человеком, который осмеливается так пренебрежительно обходиться с сильными мира сего.

Через несколько дней Калиостро получил лично от кардинала самое любезное письмо с приглашением пожаловать к нему на ужин.

И вот Калиостро во дворце наместника, который осыпает его любезностями, изъявляет желание познакомиться с его искусством.

Среди блестящего общества, наполнявшего залы дворца, Калиостро бросилась в глаза изящная молодая женщина, с большими темно-голубыми глазами и ослепительным цветом лица.

— Кто это? — осведомился он у кардинала.

— Это некая госпожа де Ламотт-Валуа, воспитанница одной из моих хороших приятельниц, госпожи де Булэнвиллье.

— Валуа? — удивленно переспросил Калиостро.

— Да, вас удивляет это имя? — улыбнулся кардинал. — Так знайте же, что прелестная Жанна — потомок, хотя и не совсем законный, короля Генриха II из дома Валуа.

Так состоялась первая встреча этих трех людей, Калиостро, Рогана и Жанны де Ламотт. Никто из них не подозревал, что она будет для них роковой.

XII

Три года пробыл Калиостро в Страсбурге, и за это время слава его окончательно укрепилась и достигла даже Парижа, который за это время успел уже охладеть к своему недавнему кумиру Месмеру и жаждал новизны. Калиостро торжествовал, наконец-то наступил и его час. Не успел Калиостро

приехать и поселиться в роскошном отеле на улице Сен-Клод, как вокруг него образовался огромный круг почитателей, преимущественно из самого высшего общества. Чрезвычайно удачное, даже чудесное излечение герцога Субиза, от которого уже отказались все врачи, произвело настоящую сенсацию и окончательно упрочило положение Калиостро в обществе и даже при дворе. Субиз пользовался большою любовью королевской четы, которая весьма обрадовалась его излечению и в знак благодарности осыпала Калиостро милостями. Людовик XVI иначе его не называл, как «божественный» и во всеуслышание объявил, что всякое оскорбление Калиостро будет им рассматриваемо как оскорбление величества.

Главным занятием Калиостро за это пребывание в Париже было не лечение. Он преимущественно являлся посредником между этим и потусторонним миром, вызывал мертвецов, нечистую силу, занимался предсказыванием будущего, причем не прибегал даже к особенно утонченным приемам, а обставлял свои фокусы довольно примитивно, верно рассчитывая на безграничное легкоеверие своих поклонников. Так, уступив раз просьбе некоторых молодых людей из высшего круга, умолявших его уже давно показать им настоящего дьявола, он повел их темной ночью в каменоломни Монмартра, где на них набросилась «нечистая сила» и жестоко избила их. На другой день все участники ходили в синяках, с пластырями, но твердо были убеждены, что имеют дело с самим дьяволом, и желание лицезреть его еще более усилилось в них.

Не преминули появиться и жертвы этого увлечения черной магией.

Герцогиня де Жевр, большая приятельница одного из самых горячих поклонников Калиостро, графа Кайлюса, решила воспользоваться его связями, чтобы привести в исполнение одно свое заветное желание. Ей хотелось во что бы то ни стало отыскать клад, находившийся, по ее словам, где-то в одном из ее многочисленных имений. Кайлюс с радостью согласился помочь ей, но предупредил, что для этого ей придется подчиниться «обрядам посвящения». Таинственные слова напугали герцогиню, и она ни за что не согласилась пойти на это. Тогда Кайлюс принес ей через несколько дней разрешение Великого Кофта допустить ее к вызыванию духа металлов без всякой клятвы.

В назначенный час Кайлюс и герцогиня стояли перед дверью одного домика в глухом предместье С ближайшей колокольни только что пробило полночь.

— Мне страшно,— прошептала герцогиня, вернемся назад.

— Это невозможно, теперь уже слишком поздно,— возразил Кайлюс.— Главное, не говорите ни слова, это вопрос жизни и смерти! — И взяв госпожу де Жевр за руку, он смело отворил дверь.

Им пришлось пробираться по каким-то переходам, исполнять разные таинственные обряды, пока наконец они не очутились перед ярко освещенной залой, в которой толпилось множество народу, очевидно, посвященных. Перед герцогиней вдруг очутился высокий человек в длинном одеянии, состоявшем наполовину из черного, наполовину из небесно-голубого бархата. Он приветливо улыбнулся герцогине и, взяв ее за руку, хотел ввести в залу, но в это время взгляд госпожи де Жевр случайно упал вниз. Там на

пороге лежало большое черное распятие, через которое она должна была переступить. Что-то забытое шевельнулось в сердце молодой женщины; она почувствовала, как в ней просыпается давно угасшее благоговение, и она в ужасе отшатнулась.

— За кого вы меня принимаете? — вскричала она. — Не воображаете ли вы, что я наступлю на Распятие? — С этими словами она повернулась и, прежде чем Кайлюс опомнился, исчезла в темном коридоре.

Кое-как добралась она до дому и тотчас же слегла. Призванный на утро врач констатировал сильнейшую нервную горячку.

Кайлюс кончил еще печальнее. Сторожа, обходившие ранним утром предместье, нашли в саду только его труп. Настоящая причина его смерти так и осталась невыясненной, хотя официально было заявлено, что он скончался от удара.

XIII

Но несмотря на свои успехи в парижском обществе, Калиостро не забывал своего старого поклонника и друга кардинала Рогана и часто навещал его в роскошном его отеле. С некоторых пор в настроении кардинала произошла значительная перемена, сразу бросившаяся в глаза наблюдательному графу. Часто, приходя к кардиналу Калиостро заставал его необыкновенно веселым, даже сияющим, и всегда это радужное настроение совпадало с посещениями известной Калиостро Жанны де Ламотт-Валуа.

Однажды Калиостро подсмотрел, как она передала тихонько Рогану небольшое письмо в золото-об-

резанном конверте и как тот страстно прижал его к губам. Все это заинтересовало Калиостро, и не подозревавшего, что он присутствует при завязке трагикомедии, в которой и ему суждено играть роль.

Но пока главная роль принадлежала очаровательной графине Валуа, с биографией которой и следует поэтому познакомиться поближе.

Лет двадцать тому назад одна богатая дама, госпожа де Буэнвиллье, проездом в свое имение, подобрала по дороге трех оборванных детей, просивших милостыню. Хорошенькое личико старшей из них, Жанны, понравилось ей, и она оставила ее у себя в качестве воспитанницы, а других поместила в приют.

Из наведенных справок выяснилось, что отец детей принадлежал к одному из старинных родов Франции, де Сен-Реми Валуа, ведшего свое происхождение от незаконного сына Генриха II. Оттого-то потомки его и сочли себя вправе называться Валуа.

До восемнадцати лет Жанна воспитывалась у госпожи де Буэнвиллье, а затем вышла замуж за жандармского офицера, графа де Ламотт.

Первое время супруги жили ничего, но потом наступил целый ряд несчастий. Во-первых, де Ламотт вышел в отставку, затем умерла госпожа Буэнвиллье и Жанна с мужем очутились в самом отчаянном положении. Они жили тогда в Париже в небольшой, грязной комнатке. Все имущество было описано, в кармане ни гроша. А кругом, как нарочно, била ключом блестящая парижская жизнь, тысячи людей утопали в роскоши, а бедная Жанна не имела даже приличного платья, чтобы показаться на улицу. Отныне все ее помыслы устремлены лишь на то, чтобы

выбраться из этого болота нищеты, куда ее забросила судьба, не брезгая для этого никакими средствами.

Она переселяется в Версаль, где в это время проживал двор, нанимает себе мансарду недалеко от дворца, заводит понемногу знакомства среди дворцовой прислуги, с жадностью ловит каждую придворную сплетню, и через короткое время она уже совершенно в курсе всей придворной жизни. Она подает прошение Марии-Антуанетте о пособии ей, как носительнице имени Валуа, но оно остается без ответа. В тоже время до нее доходят сплетни о безнадежной любви к Марии-Антуанетте Рогана, любви, над которой потешаются все при дворе.

И вот в голове графини де Ламотт созревает план, к выполнению которого она сейчас же и приступает. Все это время она не теряла из виду кардинала Рогана, ловко пользуясь его расположением, чтобы выманить время от времени небольшие суммы денег. В один из своих приездов она объявила изумленному кардиналу, что ей удалось добиться приема у королевы, что та приняла ее очень ласково и между ними установились самые лучшие отношения. Уже одно присутствие особы, близкой к обожаемой им женщине, оживило Рогана. Каково же было его изумление и радость, когда Жанна сообщила ему, что королева призналась ей, что давно уже любит кардинала, но принуждена скрывать это из-за таинственных соображений. И в доказательство этого Жанна передала обезумевшему от счастья кардиналу собственноручное, очень нежное письмо королевы.

Принц Роган ожил: забыты были мучительные годы бесплодного ожидания и томительной тоски, он любим, он снова молод и строчит одно за другим

нежнейшие послания своей обожаемой даме сердца, которые верная графиня отвозит по назначению.

Проходят томительные месяцы, писем из Версаля все нет и нет, и кардинал опять погружается в меланхолию. Он высказывает даже Жанне свои сомнения насчет достоверности писем, и та видит, что необходимо начать действовать энергичнее, чтобы не дать кардиналу совсем остыть.

Возвратясь в тот день от кардинала домой, она принялась детально разрабатывать свой новый план. Он был безумно смел, это она хорошо понимала, но зато и награда была велика. Обдумав подробности, она позвала своего мужа.

— Скажите, вы все еще продолжаете знакомство с той девицей д'Олива, с которой встретились в Пале-Ройяле,— спросила она.

— Это что, ревность? — вздумал пошутить граф.

Жанна наградила его презрительным взглядом

— Ревновать вас к уличным девицам? Вы становитесь смешным! Мне нужно знать другое. Вы как-то сказали, что она похожа на королеву.

— На австриячку? Как две капли воды. Это прямо удивительное сходство!

— Отлично, сегодня же вы отправитесь к этой девице и скажете ей, что с ней желает познакомиться одна графиня по очень важному делу.

На другой день к скромному дому, где жила Олива, подкатила богатая карета, из нее вышла графиня Ламотт и поднялась наверх.

— Вы, наверно, удивляетесь моему посещению,— обратилась она к смущенной девушке.— Но вы можете вполне довериться мне. У меня большие связи при дворе, и вот вам доказательство: взгляните на эту подпись.

С этими словами она протянула девушке письмо, подписанное «Мария-Антуанетта»

— Вы видите, я пользуюсь доверием королевы, и вот новое доказательство этого: она поручила мне найти особу, которая сумела бы сделать одну вещь, которую ей со временем объяснят. Я подумала о вас. Если вы согласны, я обещаю вам 1500 ливров, да королева со своей стороны не забудет вас.

Предложение было слишком блестяще, и Олива дала свое согласие.

Графиня Ламотт прямо от Оливы направилась к кардиналу.

— Ну, поздравляю вас,— начала она.

Роган уныло взглянул на нее. Лицо Жанны сияло.

— Ваши мольбы услышаны. Она согласна вас видеть.

— Когда? Где? — вскричал в волнении кардинал, вскакивая с кресла.

— Завтра вечером, в версальском парке. Будьте в 10 часов у калитки.

С этими словами Жанна исчезла.

На следующий день в назначенный час кардинал, в голубом кафтане, с надвинутой низко на лоб треуголкой, стоял у заветной калитки. Ночь была теплая, но довольно темная. Вдруг перед Роганом очутилось черное домино.

— Следуйте за мной,— раздался осторожный шепот, и монсиньор с замиранием сердца вступил в заветный парк.

— Налево,— раздался тот же голос,— в грабовой беседке.

Замирая от блаженства, он приблизился к заветной скамье. Белая фигура поднялась ему навстречу. Кардинал невольно схватился за сердце. Да, это была

она, Мария-Антуанетта! Это ее стройная, величественная фигура, окутанная белой кисеей, ее рука, протянутая для поцелуя

— Ваше величество,— мог только прошептать взволнованный кардинал, склоняясь к ее ногам.

— Идут,— раздался вдруг предостерегающий шепот.

Королева вздрогнула и уронила розу, которую держала в руке.

— Вы знаете, что это значит? — услышал кардинал ее прерывающийся голос.

— Скорей, скорей,— раздалось опять.

Светлое видение исчезло, а на его месте очутилась графиня Ламотт, повлекшая кардинала к выходу. Прекрасный сон окончился.

XIV

После этого свидания у Рогана не осталось уже никакого сомнения, и он горячо благодарил свою покровительницу, позволившую ему пережить такие незабвенные минуты. Жанна не преминула воспользоваться этим расположением, и для супругов Ламотт наступили хорошие дни. От имени королевы графине удалось выманить от кардинала 150 тысяч ливров, которые и были пущены в оборот.

Близость графини ко двору не могла, конечно, остаться тайной, и двери зажиточных домов Парижа открылись перед ней.

На одном из званых обедов ее соседом очутился придворный ювелир Бемер, который уже давно мечтал познакомиться с графиней. Человек этот переживал как раз очень тяжелый период своей жизни. Ему грозило полное разорение и вот по какому

случаю. Состоя давно придворным ювелиром и зная пристрастие Марии-Антуанетты к драгоценностям, он задумал сделать для королевы ожерелье, подобно которому не было еще никогда в продаже.

Теперь нужно было выждать удобный момент, чтобы преподнести его королеве. Момент этот не заставил себя ждать. У королевы родился давно жданный наследник, и король на радости предложил жене ожерелье, сработанное Бемером. Но каково же было отчаяние этого последнего, когда королева наотрез отказалась от этого подарка. «Франция больше нуждается в военном корабле, чем в брильянтах», — был ее ответ на предложение короля.

Бемер попробовал еще несколько раз возобновить попытку, но все было напрасно. Королева решительно отвергла ожерелье. Тогда он стал предлагать его посланникам различных стран в надежде, что те приобретут его для своих государей, но невероятно высокая цена пугала всех. Бедный Бемер чуть не помешался.

Он добивается опять аудиенции у Марии-Антуанетты и, бросаясь перед ней на колени, со слезами умоляет ее купить ожерелье или разрешить ему броситься в Сену.

— Я разорен, я нищий, мне остается только умереть!

— Так разберите ваше ожерелье и продайте его по частям, — промолвила с досадой королева. — А утопиться вы всегда можете и без моего содействия.

Бедный Бемер понял, что все для него кончено, и, шатаясь, вышел из покоев королевы.

Положение его, действительно, было ужасное. Ожерелье было сделано наполовину в долг, и креди-

торы осаждали его со всех сторон. И вот в это тяжелое для него время судьба свела его с графиней де Ламотт. Он уже слышал о ее близости к королеве и, как утопающий за соломинку, ухватился за это обстоятельство, в надежде извлечь для себя какую-нибудь пользу. Он подробно изложил графине все свое дело и умолял ее замолвить за него словечко перед королевой. В голове Жанны сразу блеснула гениальная мысль.

— Хорошо, я постараюсь сделать все, что в моих силах,— милостиво сказала она Бемеру,— только предупреждаю вас заранее, что не ручаюсь за успех. Королева очень предубеждена против вас. Вы надоели ей. А, впрочем, надейтесь.

А кардинал в это время все еще жил воспоминанием о былом. Он доверил наконец свою тайну Калиостро. Тот сначала скептически отнесся к словам Рогана, но когда тот рассказал ему знаменитую сцену в парке и показал некоторые письма, то Калиостро перестал сомневаться и даже простер свою любезность до того, что несколько раз вызывал по просьбе кардинала, тень королевы. В этих сеансах принимала деятельное участие и графиня Ламотт маленькая племянница которой служила Калиостро медиумом.

За всеми этими «потусторонними» делами графиня не забывала и земных.

Улучив момент, когда кардинал, возбужденный сеансом Калиостро, более чем когда-либо вздыхал о королеве, Жанна бросила ему:

— А я знаю, чем бы вы могли заслужить милость ее величества.

— Чем? Говорите скорее! — воскликнул кардинал.

Королева страстно желает приобрести одну вещь, но суровый супруг запретил ей и думать о ней.

— Что же это за вещь? — нетерпеливо прервал ее Роган.

— Брильянтовое ожерелье, сделанное ювелиром Бемером. Ее величество обожает драгоценности и вне себя, что это ожерелье будет украшать менее прекрасную шею, чем ее.

— И вы думаете, что королева удостоит принять от меня...

— Нет, вы не так поняли меня. Королева намеревалась, что не прочь купить ожерелье при вашем посредничестве, так как его величество не должен ничего знать об этой покупке.

Через несколько дней в приемную кардинала входили Бемер и его компаньон Бассанж. Монсеньор встретил их очень милостиво, показал им письмо, в котором королева уполномочивала его купить для нее ожерелье, а ювелиры, в свою очередь, предъявили кардиналу заранее заготовленный письменный договор, по которому ожерелье уступалось за миллион шестьсот ливров с тем, чтобы эта сумма была выплачена в пять равных сроков. Первый платеж приходился через шесть месяцев после подписания договора. После того как Роган и двое ювелиров подписали под договором свои имена, бумага была вручена графине, которая тот час же отвезла ее в Версаль. Через день ее уже вернули обратно с подписью: «Мария-Антуанетта французская (Marie Antoinette de France)». Теперь Бемеру оставалось только вручить ожерелье кардиналу для передачи его по назначению.

Поздно вечером того же дня, к боковому крылу Версальского дворца подъехала карета, из которой вышел кардинал с маленькой шкатулкой в руках. У двери его встретила графиня и провела в небольшой будуар, где велела ему спрятаться в альков, а шкатулку поставить на стол. Через несколько минут дверь отворилась, в комнату вошел какой-то мужчина, в котором кардинал узнал черное домино, присутствовавшее на свидании в парке. Человек этот не спеша приблизился к столу, взял шкатулку и исчез. Графиня тем же путем вывела кардинала на улицу, где они и расстались.

Прошло несколько месяцев. Бемер не пропускал ни одного придворного выхода, тщетно высматривая, не надела ли королева его ожерелье. Наконец он решается напомнить ей и пишет почтительное письмо, в котором благодарит за оказанное ему доверие Королева прочла его и окончательно убедилась в том, что Бемер сошел с ума.

— Спросите у Бемера, что все это значит,— приказала она своей статс-даме, мадам Камлан.

Та при встрече с Бемером сейчас же завела об этом разговор:

— Что означает письмо, которое вы передали ее Величеству? — спросила она.

— Королева знает, в чем дело,— уклончиво отвечал ювелир.

— Извините, она поручила мне расспросить вас обо всем этом.

— Это шутки! — с улыбкой заметил Бемер.

— Какие шутки! — вскричала в негодовании госпожа Камлан.

— Она поручила передать вам, что не будет больше покупать бриллиантов.

— Я этому охотно верю, у ней уже достаточно их. Но что сказала она по поводу денег?

— Каких денег?

Тут Бемер не выдержал и рассказал изумленной госпоже Камлан о покупке королевой ожерелья. Услышав имя кардинала Рогана, госпожа Камлан пришла в негодование.

— Но королева десять лет уже не говорит с монсиньором. Тут какая-нибудь интрига, вас обманули!

Но, как ни старалась госпожа де Камлан убедить Бемера в полной непричастности королевы к этому делу, тот настаивал на своем: королева увлечена кардиналом и не желает предавать дело огласке.

Но как же передавались вам приказания королевы? спросила наконец госпожа де Камлан.

Записками, писанными ее рукой. И я принужден был показать их моим кредиторам, чтобы успокоить их

Взволнованная статс-дама поспешила передать весь этот разговор королеве. Гнев последней не знал пределов. Особенно возмутило ее участие в этом мошенничестве кардинала.

В день Успения, 15 августа, кардинал Роган после десятилетнего отсутствия вдруг появился, ко всеобщему удивлению, при дворе. Его немедленно провели в кабинет короля, где находилась и королева.

Король лично производил допрос. Королева находилась в страшном волнении, которое наконец вырвалось наружу в словах, обращенных к Рогану: «Как вы могли подумать, вы, с которым я не говорила в продолжение восьми лет, что я могла вас выбрать для исполнения подобного поручения, да еще при посредничестве подобной женщины!»

Роган бросил на королеву презрительный взгляд. Он все еще думал, что королева притворяется.

— Я вижу, что меня жестоко обманули. Я заплачу за ожерелье. Желание понравиться Вашему Величеству ослепило мне глаза,— произнес он с низким поклоном.

Затем король предъявил кардиналу подпись королевы «Мария-Антуанетта Французская».

— Как могли вы, великий милостынераздателее величества, вообразить, что королева подписывается так. Она ставит только свое имя! Объясните же мне все!

Кардинал побледнел.

— Ваше Величество, я слишком взволнован...

— Успокойтесь, изложите письменно все, что имеете мне сказать,— промолвил король, указывая на письменный стол.

Через четверть часа кардинал вышел из кабинета.

Все придворные поспешили ему навстречу, уверенные, что он опять в милости, но в ту же минуту к Рогану подошел барон Бремелль.

— Именем короля арестую вас! — раздалось в смолкнувшей зале.

Кардинал вздрогнул и поник головой. Час расплаты наступил!

Через три дня была арестована и графиня де Ламотт, незадолго перед тем скрывшаяся в предчувствии близкой беды в провинцию. Тут же при аресте она попробовала свалить всю вину на Калиостро, который также был схвачен и посажен в Бастилию.

Что касается ожерелья, то оно пропало бесследно, будучи распродано графом Ламоттом по частям в разных городах.

30 мая 1786 года площадь перед зданием парижского суда представляла самую оживленную картину.

К главному входу то и дело подкатывали блестящие кареты, из которых выскакивали разодетые дамы и кавалеры. У большинства красовались на головах высокие шляпки из желтой соломы, отделанные красными лентами. Это была самая последняя мода, носившая название: «кардинал на соломе». Это был, так сказать, знак сочувствия светских дам страдальцу кардиналу.

Вдруг толпа, наполнявшая площадь, заволновалась.

«Родственники кардинала!» — пронеслось по ней. Из подкативших карет медленно выходили одетые в глубокий траур дамы и мужчины. «Это герцог Субиз, а вон принц Конде, госпожа Гемене», — перечисляли в толпе.

— А знаете, что нашли на днях на дверях королевской часовни? — прозвучал чей-то вопрос.

— Что такое? Расскажите! — раздалось кругом.

— Записку с цитатами из послания апостола Павла, где он уговаривает своего ученика Тимофея «не краснеть своего плена и своих уз».

— Это, говорят, аббат Жоржель вывесил, верный друг кардинала. Он на днях так громил в проповеди «австриячку», что любо-дорого слушать».

Толпа сочувственно захохотала.

— И поделом ей. Зачем из-за нее невинные люди гибнут? Ведь ясно, как Божий день, что всю эту историю она сама затеяла.

Того же мнения было и все высшее общество. У Марии-Антуанетты было слишком много врагов, не приминувших воспользоваться ее несчастьем. Вся Франция, а за ней Европа, были убеждены в ее причастности к этому грязному делу, в котором имя королевы фигурировало рядом с именем публичной женщины и разных авантюристов.

Родственники Рогана употребили все усилия, чтобы склонить судей на свою сторону, и это им блестяще удалось. Но перейдем к суду. Когда судьи заняли свои места и в зале водворилась тишина, был отдан приказ ввести подсудимых. Первым вошел кардинал, одетый, в знак траура, в фиолетовую рясу. При его появлении вся зала, не исключая и судей, поднялась со своих мест и приветствовала кардинала глубоким поклоном. Он был бледен, спокоен, и показания его, которые ему разрешено было давать сидя, отличались ясностью и точностью. Вслед за ним вошла графиня Ламотт, просто, но изящно одетая, и с отвращением отшатнулась от скамьи подсудимых. Но делать было нечего, и она со вздохом опустилась на предназначенное для нее место. Появление Олива вызвало удивление, эта девушка, действительно, походила на королеву, так что ослепление кардинала становилось понятно. Комическим элементом в этом деле явился Калиостро. Его появление в зеленом восточном платье с волосами, заплетенными на множество косичек, его нелепо величественные жесты, вызывали улыбку даже у судей. Последний подсудимый был некий Рето де Вильета, бывший возлюбленный графини Ламотт, писавший под ее диктовку все поддельные письма королевы и исполнявший роль черного домино в Версальском парке.

С самого начала заседания стало ясно, куда клонят судьи. В их прениях высказано было сожаление о том, что дело это предано огласке, что у короля и королевы нет мудрого министра, который отсоветовал бы им компрометировать так величие трона.

Оправдание Рогана и Калиостро было принято с восторгом.

— Ура, Калиостро! Ура, благодетель человечества! — кричала тысячная толпа при появлении его из залы суда и с триумфом донесла до дому.

Олива тоже была оправдана, Рето приговорен к изгнанию. Самая суровая кара постигла главную вдохновительницу всего этого дела. Графиня Ламотт была приговорена к наказанию плетью, клеймению и вечному заключению в тюрьме.

Тотчас после своего оправдания кардинал Роган получил от короля предписание немедленно отправиться в изгнание. Все взглянули на это как на акт личной мести и, пожалуй, были правы.

XVI

Калиостро тоже получил предписание покинуть пределы Франции. Вспомнив о том, как гостеприимно его встретили несколько лет тому назад в Англии, он решил отправиться туда. Французы устроили ему грандиозные проводы.

«Берег, который я покидал,— пишет Калиостро в своих мемуарах,— был усеян толпами граждан всех сословий, которые меня благословляли, благодарили за добро, которое я сделал их братьям, и в самых нежных выражениях прощались со мною. Ветер уносил меня далеко от них, я уже не слышал их но

видел их стоящими на коленях, с руками, воздетыми к небу; я тоже, в свою очередь, начал благословлять их, кричать и повторять, как будто бы они могли меня слышать: «Прощайте, французы! Прощайте, дети мои! Прощай, моя родина!»

Первым делом его по прибытию в Лондон было обратиться с открытым письмом к французскому народу, в котором он оправдывался во взведенных на него обвинениях в шарлатанстве, громил французский двор и общество и предсказывал его конец, грядущую революцию и разрушение Бастилии.

Но звезда Калиостро уже закатывалась. Одному журналисту удалось раздобыть очень подробные сведения о настоящем Джузеппе Бальзамо, прикрывающимся пышным именем графа Калиостро. Затем в Германии появились разоблачения госпожи фон Реке, его митавской поклонницы. Екатерина Великая тоже продернула его в двух пьесах собственного сочинения, и люди, вчера еще считавшие его за полубога, сегодня издевались над ним и забрасывали грязью. Он не сумел, подобно Сен-Жермену исчезнуть вовремя, и конец его был очень печален.

После долгих странствований по Европе, он очутился с Лоренцей опять в Риме. Сначала он вел там скромный образ жизни, принес чистосердечное раскаяние в своих грехах. Но это продолжалось недолго. Прежняя страсть к шарлатанству вспыхнула в нем опять. Он входит в сношение с римскими масонами и мечтает ввести к ним свое изобретение, египетское масонство. Этого только и ждала римская инквизиция, которой Калиостро уже давно мешал. Калиостро был арестован по доносу и посажен в крепость

святого Ангела, где и закончил в 1793 году свою бурную жизнь. Лоренца тоже была заключена в один из женских монастырей и умерла там еще раньше мужа.

Когда в 1795 году французские революционные войска ворвались в Рим, то первым делом бросились освобождать узников из крепости святого Ангела и были глубоко разочарованы, не найдя среди них Калиостро, воспоминание о котором еще было живо среди французского народа. Так сошел со сцены один из самых ловких авантюристов, которых только знал восемнадцатый век.

Казахстанские издатели со специалистами совместного советско-финского предприятия «Смарт» (г. Ленинград) и Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (г. Москва) подготовили к изданию исторические романы, выпущенные в 1912—1913 г. г. в Москве книгоиздательством «Дело» для массового читателя.

Некоторые романы из этой серии в течение 80 лет лежали на полках Центрального книгохранилища в г. Москве и сохранились как раритеты, единственные экземпляры. Другие, оказавшись личной собственностью читателей, затеряны за давностью лет.

Центральная Государственная библиотека им. В. И. Ленина любезно предоставила возможность познакомиться с книгами этого редкого издания.

В результате упорного и кропотливого труда энтузиастов и специалистов-издателей затерянные в прошлом, а ныне найденные, восстановленные и адаптированные к современному русскому языку книги-романы серии «Историческая библиотека», обрели новую жизнь. Они возвращают читателя в далекое прошлое Российской империи и Европы. Дворцовые интриги, внешний блеск и духовное падение сильных мира сего, авантюризм и хитро-сплетения, быт и нравы, триумф и трагедии царского двора, простолюдинов и служителей культа — вот темы, которые поднимают авторы «Исторической библиотеки».

В 1990 году вышли в свет романы
«Тайны инквизиции» (А. Лебедев)
«Княжна Тараканова» (А. Платонов)
«За старую веру» (К Бестужев)
«Цезарь Борджиа» (М. Салтыков)

В 1991 году читатели познакомятся с новыми романами

«Фавориты Екатерины II» (А. Савин)
«Монастырские нравы» (С. Горский)
«Иезуиты» (П. Бунин)
«Кровавый султан» (В. Михайлов)
«Легенда о смерти Александра I» (П. Бунин)
«Мария-Антуанетта» (Е. Вербицкий)
«Калиостро» (К Бестужев)
«Ведьма» (Е. Оларт)
«Сын Петра Великого» (М. Костомаров)
«Конец Распутина» (Ф. Юсупов)
«Император Николай I» (С Давыдов)
«Казненная королева» (Мария Стюарт) (М Радищев)
«Императрица Елисавета» (К Бестужев)
«Духоборы» (С Хомяков)
«Каторга и бродяги России» (В Гартевельд)

Поиск книг-романов серии «Историческая библиотека» продолжается во всех культурных центрах страны.

В адаптировании и воспроизведении уникальной серии принимают участие полиграфисты Казахстана — творческо-производственное объединение «Лейла», производственное объединение полиграфических предприятий «Кітап», ВЦКП Госкомпечати СССР совместно с советско-финским предприятием «Смарт», являющимся одним из мобильных и оперативных полиграфических предприятий в Советском Союзе.

Издатели надеются, что увлекательные романы серии «Историческая библиотека» представят несомненный интерес для широкого круга современного читателя.

*

Часть прибыли от издания этой книги
будет направлена на оказание помощи инвалидам войны
и семьям погибших в Афганистане воинов-интернационалистов

БЕСТУЖЕВ К.

КАЛИОСТРО

Роман

Редактор *Б. Х. Баянов*

Художник *Л. И. Тетенко*

Технический редактор *О. Ниценко*

Корректоры *М. И. Антонова и А. П. Тимофеева*

Инженер ВЦ *Л. В. Сухова*

Сдано в набор 11.11.90. Подписано в печать 10.01.91. Формат 70х100¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,23. Усл. кр.-отт. 3,46. Уч.-изд. л. 2,91. Тираж 100 000 тыс экз. Заказ № 2135. Цена 4 руб

Издание осуществлено при участии МП «Мирас» и организации ветеранов войны в Афганистане Советского района г. Алма-Аты

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по печати. 480124, Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Набрано в ВЦКП ГКП СССР с использованием АСУТП «СОЮЗ»
оператором *О. В. Лепехиной*.

Созданием файла в формате pdf
занимался ewgeniy-new
(апрель 2014)

4 p.